

Своя

ноябрь 2017

журнал
Никиты Михалкова

ПОКА ГОРОД СПАЛ

Что на самом деле произошло
в ночь на 25 октября 1917 года

ФОТО: СВЕРДЛОВ/РИА-НОВОСТИ/А. ДЕЙНЕКА. «ЛЕВЫЙ МАРШ», 1941. ФРАГМЕНТ

О, молодые генералы своих судеб

Юнкера в Москве:
с них начиналась
Белая гвардия

Авангардизма век недолог

Художественные
формы
революции

Переворот в сознании

Как Луначарский
спас отечественный
театр

МЫ ПОТЕРПЕЛИ крушение государства от недостатка национального сознания в интеллигенции и в народе. Мы жили так долго под щитом крепчайшей государственности, что мы перестали чувствовать и эту государственность, и нашу ответственность за нее. Мы потеряли чувство государственности и не нажили себе национального чувства. Вот почему история вернула нас в новой форме к задачам, которые, казалось, были разрешены навсегда нашими предками. Единственное спасение для нас — в восстановлении государства через возрождение национального сознания. После того, как толпы людей металась в дикой погоне за своим личным благополучием и в этой погоне разрушали историческое достояние предков, нам ничего не остается, как сплотиться во имя государственной и национальной идеи. Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации.

Петр Струве (1870–1944)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Два Ивана	32–35	Эпоха просвещения Русский Расин Первый отечественный драматург Александр Сумароков
3–7	Ретроспектива Пока город спал	36–39	Родное слово Маршак Советского Союза «Пусть добрым будет ум у вас, а сердце умным будет»
8–11	Красные и белые О, молодые генералы своих судеб	40–43	Литфонд Хранитель времени Вспоминаем писателя-историка Дмитрия Балашова
12–15	На семи холмах Революционный держите код «Расшифровываем» события Октября	44–47	Стоп-кадр Хороший мужик и орел К 90-летию со дня рождения Михаила Ульянова
16–19	Уходящая натура Авангардизма век недолог	48	Трапезная Лучшее творенье — на зиму варенье
20–23	Живая история Переворот в сознании		
24–27	Философ о философе Он знаменит был как марксист... Петр Струве и его идейные искания		
28–31	Символ веры Восточный подход Александра Российское присутствие на Святой земле		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

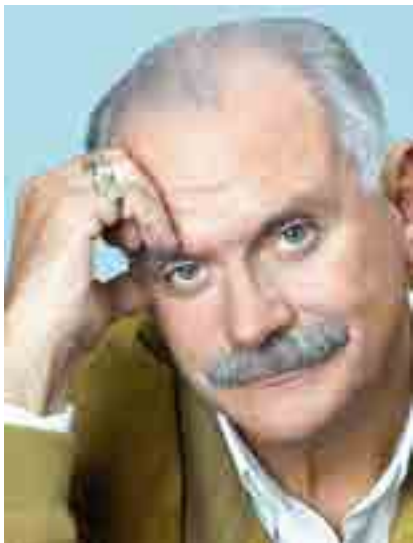
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Буравлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 5122/17

Тираж 40 155

Подписано в печать 16 октября 2017 г.

Два Ивана

Свой взгляд на события столетней давности я стараюсь выразить в документально-публицистическом кино. Эти фильмы повествуют в основном о соотечественниках, которые после революции были вынуждены эмигрировать и остаться до конца дней на чужбине, — о воинах Белого движения, цвете интеллигенции, — тех, для кого жизнь была радикально и безжалостно поделена на «до» и «после». Количество изгоев, не по собственной воле покинувших Родину вместе с семьями, исчислялось на миллионы. Бесконечно любимая ими Родина сначала до неузнаваемости поменяла обличье, а затем сказала последнее «прости».

Среди этой огромной и несчастной человеческой массы, которая, в принципе, могла бы составить население целого (и, надо полагать, процветающего) государства, я особо выделил в своей документалистике двух национальных гениев, двух Иванов — Бунина и Ильина. Первого из них считаю величайшим русским писателем XX века, второго — наиболее выдающимся отечественным мыслителем (к примеру, он предсказал крушение СССР в те времена, когда, казалось бы, ничто подобного не предвещало).

Между ними поразительно много сходства — и в том, как зло и страстно, с каким отчаянием описывали оба революционное лихолетье, и в том, сколь нежно и сострадательно смотрели они на «больную мать Россию» (выражение Ильина). Потрясающе похожи Иван Алексеевич с Иваном Александровичем даже внешне.

Бунина революция застала в древней столице. Вот что отмечал он в то время в своем дневнике: «Москва, целую неделю защищаемая горстью юнкеров, целую неделю горевшая и сотрясавшаяся от канонады, сдалась, смирилась. Все стихло, все преграды, все заставы божеские и человеческие пали — победители свободно овладели ею, каждой ее улицей, каждым ее жилищем, и уже водружали свой стяг над ее оплотом и святыней, над Кремлем. И не было дня во всей моей жизни страшнее этого дня, — видит Бог, воистину так!»

Много позже, уже в эмиграции, москвич Ильин, как бы вторя тезке, одну из причин катастрофы определил так: «...либералы не предусмотрели, что крайняя или несвоевременная и неуместно предоставленная свобода ведет к разнузданию и порабощению... что человек... может злоупотребить ею в разнуздании и продать ее за личный или классовый интерес, за чистый прибыль; что в мире встанут поработители, которым он и отдастся в рабство; они сумеют зажать разнуздавшихся, извести людей чести и совести, организовать злых, заставить своих новых рабов служить себе за страх пуще чем за совесть... Либералы с ужасом поняли, что они хотели совсем иного: они готовились к идиллии, а настал разврат...»

Эти, как, впрочем, и многие другие, слова великих людей должны послужить нам предостережением. Мы не вправе допустить повторения «ока-янных дней».

A handwritten signature in dark ink, appearing to be the name 'Ильин' (Ilyin).

**„НАСТАНЁТ ДЕНЬ, КОГДА
ВСЁ ТО, ВО ИМЯ ЧЬГО МЫ
БОРЬМЯ, ОСУЩЕСТВИТСЯ.**

**НАСТАНЁТ ДЕНЬ, КОГДА
МЪЧТЫ НАШИ О СВОБОДНОЙ
СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ
СТАНУТ ЯВЬЮ!“**

Пока город спал

Валерий Шамбаров

Многие ли в феврале-марте 1917-го могли предположить, что итогом революционных бурь-потрясений станет победа большевиков? Нет, тогда это казалось абсурдом. До пресловутого Февраля самой влиятельной из радикальных группировок считался Прогрессивный блок в составе кадетов, октябристов, земцев. Их лидеры Львов, Гучков, Милюков были звездами первой величины. За ними стояли англичане и французы со своей дипломатией и спецслужбами. «Охмутив» генералов, офицерство, интеллигенцию, заговорщики из упомянутого блока захватили управление Россией, поделили меж собой министерские посты. Правда, возникли параллельные структуры власти — Советы, но и там господствующее положение заняли не большевистские вожаки, а представители эсеров и социал-демократов (меньшевиков).

БОЛЬШЕВИКОВ поначалу никто не воспринимал всерьез. У них не было даже общего руководства — верховодить в партии пытались то редакция «Правды», то вернувшаяся из ссылки думская фракция. Члены ЦК старались идейно-политически пристроиться к знакомым из эсеров и меньшевиков. Когда Ленин прибыл в Россию, его вовсе не считали непререкаемым авторитетом, невзирая на торжественную встречу, разыгранную для него на Финляндском вокзале. Оглашенные им «Апрельские тезисы» о борьбе с Временным правительством Петроградский комитет партии отверг большинством голосов. «Правда» опубликовала их с пометкой: «личное мнение тов. Ульянова». Американский журналист Альберт Вильямс, пропустивший мимо ушей выступление Ленина на съезде Советов и удостоенный по этой причине публичных упреков, впоследствии резонно ответил: «А вы разве знали в июне, кто такой Ленин?»

Решающим фактором на том этапе стало финансирование ленинской группировки из Германии, которое позволило закупить типографское оборудование, выпускать огромными тиражами газеты, листовки, заваливая ими и столицу, и другие города. Рядом с Лениным подвизались и небесталанные теневые помощники вроде Свердлова. В клубках интриг вытеснялись из большевистской верхушки умеренные. Те перетекали к меньшевикам, и граница между группировками оставалась весьма расплывчатой. Формировалась фактически новая партия — уже не рыхлое собрание эмигрантов-теоретиков, а боевая организация. И она пошла на сближение, а затем и слияние с другой экстремистской группой — «межрайонцами» Троцкого. У последних тоже были солидные спонсоры, однако не германские, а заокеанские.

Многие ключевые события той поры трудно понять с точки зрения обычной логики. Но они получают четкое обоснование, если учитывать подрывные операции, которые в ходе мировой войны вели против России не только противники, но и союзники — Великобритания, Франция, США. В организации заговора против царя и в подготовке Февральской революции главную роль сыграли англичане, и об этом сохранились донесения французской разведки. Впрочем, Париж не протестовал, а заботился лишь о собственных интересах.

К лету сложилась ситуация, которая устраивала членов Антанты. Революция подорвала силы государства российского. Договоры, подписанные с царем, можно было не выполнять. К власти пришли лица, готовые выполнять указания западных союзников, заключать с ними кабальные экономические соглашения.

США шли еще дальше. По замыслу их политиков, России предстояло пасть окончательно, выбыть из числа великих держав, конкурентов Америки и победителей в мировой войне, стать трофеем наряду с побежденными. Детали такого плана нетрудно увидеть в опубликованных ныне письмах и дневниках серого кардинала президента Вильсона — Мандела Хауза.

Во время тогдашнего визита министра иностранных дел Англии Артура Бальфура в США Хауз сделал ему два предложения: при послевоенном переделе мира действовать вместе, ограничивая интересы Франции, Италии, Японии; вместе нацелить острие политики против «русской опасности». Британская элита эту идею поддержала.

Для решения подобных задач большевики со своими проектами грандиозной ломки общества подходили как нельзя лучше. А то, что их спонсировала Германия, было вообще замечательно — позволяло свалить собственные грязные дела и замыслы на немцев.

На Россию посыпались новые катастрофы. Американская миссия Илайи Рута подтолкнула Временное правительство к наступлению на фронте, при том что

наша армия была уже совершенно развалена. Операция кончилась бедствием. Одновременно в Петрограде подняли путч троцкисты и большевики. Правда, его удалось быстро подавить. Но председатель правительства Георгий Львов по настоянию союзников ушел в отставку, передав полномочия Александру Керенскому. Любопытно взглянуть на окружение нового «национального лидера». Эсер Давид Соскис жил в Лондоне, возглавлял британское «Общество друзей русской свободы», без сомнения, контактируя с английскими спецслужбами. Летом 1917-го он едет в Россию в качестве корреспондента газеты «Манчестер гардиан», но почему-то оказывается рядом с Керенским. И становится его личным секретарем. В нашей стране появляется и американская миссия Красного Креста, где было всего несколько медиков, остальные — банкиры, промышленники, шпионы. Один из руководителей миссии полковник Раймонд Робинс превращается в ближайшего советника Керенского. Еще одним советником последнего становится Сомерсет Моэм, агент «Интеллидженс сервис».

Стоит ли удивляться странным маневрам Александра Федоровича при таких «помощниках»: он не позволяет морально уничтожить большевиков, запрещая публикацию доказательств их финансирования из Германии; параллельно разыгрывается — при активном участии посла США Дэвида Френсиса — провокация с «корниловским мятежом» (см. «Свой» за сентябрь 2017-го); под предлогом этого «выступления» выпускаются на свободу настоящие путчисты во главе с Троцким. При этом ликвидируются последние патриотические организации и газеты, обвиненные в пособничестве Корнилову, разгоняются надежные воинские части. И вот тут-то, с конца августа — начала

ФОТО: БАЛГААНОВ/РИА НОВОСТИ

РЕТРОСПЕКТИВА

сентября, большевики выходят на авансцену.

Керенский провозглашает, что его власть будет опираться на широкую общественность, вводит в кабинет меньшевиков и эсеров, созывает Демократическое совещание. Избирается «предпарламент», куда входят те же партии. Тем самым они связывают себя с Временным правительством, уже ввергнувшим страну в хаос.

А оппозиционная ниша достается большевикам, и они выдвигают своих представителей в руководство Петроградского и Московского советов. К ним тянутся все недовольные существующей властью: и те, кто возмущен безобразиями в России, справедливо считая Временное правительство сборищем болтунов, и те, кто, поучаствовав в революционной вакханалии, вошел во вкус, жаждет побуйнить еще круче.

Популярности ленинской партии способствовала и ее полнейшая беспринципность. Ради выигрыша она перехватывала самые броские лозунги. К примеру, пацифистский призыв «Мир — народам» провозгласила в 1915 году международная социалистическая конференция в Циммервальде, в России его пропагандировали эсеры и меньшевики. Большевики, как известно, попали в ту же струю. Лозунг «Земля — крестьянам» был чисто эсеровским, в деревне получил массовое одобрение, и ленинцы его охотно переняли, хотя их собственная программа предусматривала национализацию земли. Лозунг «Заводы — рабочим» позаимствовали у анархо-синдикалистов.

Особенностью большевистской агитации стало то, что политические программы упрощались до предела, сводились к элементарному набору плакатных фраз, оставляя за кадром все, что ставило их под сомнение или могло оттолкнуть «серую массу». Скажем, богоборческие установки в период борьбы за власть вообще не звучали, их пред-

ФОТО: МИХАИЛ ФИЛИМОНОВ/РИА НОВОСТИ

М. Соколов. «Арест Временного правительства. Петроград. 26 октября 1917 года». 1930

усмотрительно отложили на потом. «Мир без аннексий и контрибуций» предполагал общее согласие воюющих держав — в обстановке 1917 года это было невыполнимо, а односторонний мир, по сути, превращался в капитуляцию. А вот клич анархистов об экспроприации экспроприаторов с прямолинейным разъяснением («грабь награбленное») получался очень выигрышным для буйной вольницы.

Сама по себе эта борьба за умы стоила бы немного, если бы под ее прикрытием не велась планомерная организационная подготовка, опять же подкреплявшаяся мощ-

ным финансированием. Банки и иностранные инвесторы бросились выводить капиталы из России. Грянул кризис. Осенью закрылись более тысячи крупных заводов и фабрик. Безработных зазывали в Красную гвардию.

Большевиков время поджимало. Временное правительство объявило союзникам, что наша страна больше не может вести войну. В ноябре по данному вопросу в Париже должна была открыться конференция. Еще немного, и надежды солдат на мир могли связаться с именем Керенского. Через неделю намечался съезд Советов крестьянских депутатов — там предполагалось принять эсеровскую аграрную программу. Казалось, лозунг «Земля — крестьянам» безвозвратно уплывал от ленинцев.

10 (23) октября ЦК большевиков принял план переворота. Сценарий был таков: созвать съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и во время его проведения под лозунгом «Вся власть — Советам» скинуть правительство. Кстати, и в этом случае большевики сильно темнили. Официально следовало передать власть съезду. Ленинцы же исподволь готовились захватить верховенство в самих Советах. О подготовке такого мятежа знал весь Петроград. Керенский имел достаточно времени и возможностей,

чтобы раздавить его в зародыше, но палец о палец не ударил. А помощники, направлявшие его действия, были связаны далеко не только с Временным правительством. В американской миссии Красного Креста числилось три секретаря-переводчика, из них двое большевиков, а у третьего, Алекса Гумберга, в большевистском руководстве действовал брат. Журналист Джон Рид, состоявший в той же миссии, еще за неделю до переворота взял интервью у Троцкого, и тот рассказал о политике будущего правительства.

Раймонд Робинс, надавав Керенскому «полезных советов», умыл руки. Объявил, что разочаровался: «Я не верю в Керенского и его правительство. Оно некомпетентно, неэффективно и потеряло всякую ценность». 20 октября (2 ноября) в столичной гостинице «Европейская» состоялась встреча руководителей миссии Красного Креста банкира Томпсона и полковника Робинса с главой британской военной миссии генералом Ноксом. Здесь американцы высказали мнение: Керенского надо менять. Англичанин с ними согласился.

Переворот произошел в ночь на 25 октября (7 ноября). Причем крупные формирования красногвардейцев, полки «революционных солдат» не привлекались. Эти разложившиеся толпы не представляли серьезной силы. На улицы вышли небольшие группы, по 10–50 человек. Они действовали по единому плану, и вряд ли его составляли сами большевики. Судя по всему, поработали опытные специалисты. Эти отрядики занимали телеграф, телефонную станцию, банки, вокзалы, мосты, продовольственные склады. Иногда даже открыто сменяли караулы — у них оказались все гарнизонные пароли на эту ночь. Осуществлялось все тихо, спокойно. Город мирно спал, когда произошла смена власти. Керенского американцы все же не бросили, вывезли в посольской машине. А Петроград, по сути, был захвачен в результате спецоперации.

Все дальнейшее — «революционные массы», выстрел «Авроры», «штурм» Зимнего, где бестолково засело Временное правительство и собрались жиденькие подразделения юнкеров и «ударниц» —

служило лишь декорацией к уже свершившемуся. Кабинеты Львова и Керенского настолько допекли Россию, что защищать их желающих почти не нашлось. Чтобы закрепить успех, Ленин бросил с трибуны съезда Советов те самые популярные лозунги — о мире, земле. Присутствовали там и теневые организаторы. Казалось бы, какое отношение к рабочим и солдатским депутатам имел Раймонд Робинс? Тем не менее этот американский разведчик и промышленник был на съезде со своим агентом Гумбергом, и, по воспоминаниям очевидцев, о происшедших событиях они оказались осведомлены гораздо лучше, чем делегаты и многие члены большевистского руководства.

То, что назвали впоследствии Октябрьской революцией, свершилось. Когда же дело дошло до реализации пропагандистских лозунгов — в условиях Брестского мира, продразверстки, массового голода рабочих остановленных заводов, — стихийная народная поддержка новоявленным властям пререждающим уже не требовалась.

Заседание Совнаркома в Смольном. 1918

Красные и белые

В. МЕШКОВ. «ОКтябрьские дни в Москве», 1933

ФОТО: РИА НОВОСТИ

О, молодые генералы своих судеб

Елена Мачульская

В Петрограде на большевистский переворот понадобились пара дней и минимум усилий. В Москве же все было иначе: обнаружили те, кто рискнул поспорить с неизбежным, сопротивлялся отчаянно, хотя и без надежды на успех. Позабывтые впоследствии юнкера, кадеты, гимназисты, молодые офицеры, волей судеб оказавшиеся в тот момент в Белокаменной, явно заслуживают того, чтобы вспомнить о них отдельно.

ОРУДИЕ ОКОЛО ЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО СОВЕТА. ОКТЯБРЬ 1917

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Вызов принят

Один из них, поручик Арсений Митропольский, оставил нам стихи, посвященные тому безнадежному противостоянию, впоследствии названному «восстанием юнкеров».

«И ждать невозможно было, / И нечего было ждать. / Кроваво луна всходила / Кровавые сны рождать... / Россия звала к отваге, / Звала в орудийный гром, / И вот мы скрестили шпаги / С кровавым ее врагом. / Нас мало, но принят вызов. / Нас мало, но мы в бою! / Россия, отважный призван / Отдать тебе жизнь свою!»

Полковник лейб-гвардии Волынского полка Леонид Трескин, чья доблесть была отмечена множественным наград, поведал об октябрьских событиях в прозе:

«25 октября 1917 года (ст. ст.) я выехал из Петрограда в Москву, где был приписан для лечения к одному из госпиталей... В Москве я застал очень тревожное настроение, все к чему-то готовились и нервничали. В госпитале готовились к самозащите, так как по городу полезли зловещие слухи...».

Руководить силами, верными Временному правительству, должен был командующий Московским военным округом полковник Константин Рябцев. Однако, по многочисленным свидетельствам защитников Москвы, он с самого

начала конфликта колебался, искал компромисс с большевиками. Поэтому верные присяге офицеры оказались вынуждены действовать самостоятельно.

Центром стихийного сопротивления большевистскому перевороту стало Александровское военное училище. Высокое здание с колоннадой и лепным пеликаном, кормящим своих птенцов, располагалось на углу Арбатской площади и Знаменки. Юнкеров-александровцев с белыми погонами и вензелями с изображением Царя-освободителя называли «Наша гвардия». В момент роковых событий они сполна подтвердили присвоенный горожанами титул.

27 октября 1917-го помимо юнкеров здесь собрались офицеры-добровольцы, студенты, учащиеся гимназий. Сюда же, в стены альма-матер, пришел и Леонид Трескин, позже свидетельствующий: «Для выяснения положения я прошел в Александровское училище, там царил полная нераспорядительность и растерянность, несмотря на то, что все помещения были буквально набиты боеспособным элементом. В нижнем этаже помещался «штаб округа», куда удалось пробраться с большим трудом, и здесь ничего путного добиться не удалось... Все же, благодаря училищному офицеру нашего полка, мне удалось «реквизнуть» 15 юнкеров и пригласить

двух попавшихся офицеров, ставших моими адъютантами до конца событий».

Полковник слыл человеком решительным и волевым, потому в условиях хаоса и полной неопределенности начал действовать немедленно.

«Первой заботой было наскоро научить владеть оружием учащуюся молодежь. Этот отряд решено было назвать «Белой гвардией», он и является родоначальником белой борьбы против красных. В течение первой ночи удалось сколотить и вооружить до 300 человек... которые с места уже отправились на охрану подступов к училищу».

Юнкера заняли подступы со стороны Смоленского рынка, Малой Никитской и Поварской, а также западную сторону Большой Никитской. Их 29-летний командующий не желал уходить в глухую оборону: «Возникла мысль... привлечь к активной борьбе лиц... находящихся в части города, занятой неприятелем. План действий был принят следующий: путем продвижения вперед соединиться с отрядами, в тайном порядке там сформированными. Для проведения этого плана в жизнь мне очень помогла телефонная сеть, занятая отрядом юнкеров, доблестно погибших после 5-дневной героической борьбы».

В последующие дни юнкера-александровцы участвовали в боях у Никитских ворот и в районе Волхонки.

«Мы — белые. Так впервые / Нас крестит московский люд. / Отважные и молодые / Винтовки сейчас берут. / И натиском первым давят / Испуганного врага, / И вехи победы ставят, / И жизнь им недорога», — так Арсений Митропольский характеризовал в своей поэме «Восстание» фактических родоначальников Белого движения.

Защитники столицы

Вскоре выяснилось, что сражаться защитникам Москвы предстоит

НИКОЛЬСКИЕ ВОРОТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ, ПОВРЕЖДЕННЫЕ АРТОБСТРЕЛОМ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

без шансов на подмогу, уповая лишь на собственную доблесть.

«Приходилось обходиться своими средствами, так как, несмотря на настойчивые мои просьбы дать некоторое число бойцов, каждый раз получался ответ: «Обходитесь своими средствами», — сетовал командир храбрецов.

Недоставало патронов и снарядов. Чтобы пополнить их количество, приходилось совершать настоящие чудеса: «Склады огнестрельных припасов находились у Симонова монастыря, на противоположном конце города, у большевиков, сильно ими охраняемые. И вот один поручик лейб-гвардии Литовского полка вызвался их оттуда похитить по подложному ордеру. Дважды ему удалось привести два полных грузовика патронов и снарядов, но на третий раз он был обнаружен и погиб смертью храбрых».

С провиантом как будто проблем не было: «В течение 7 дней население окружающих улиц само доставляло все, что только могло. Помню одну даму средних лет, госпожу А. Она буквально не покладая рук добывала продукты, принося их нам пудами».

Роковой час дал толчок высоким проявлениям человеческой души. «Пришел старик, убеленный сединами, лет 70, и просит выдать ему винтовку... Предложение остаться для помощи в тылу он отвергает с заявлением: «Раз мои дети в количестве 60 человек умирают, то и я должен быть среди них». Детьми оказались воспитанники одного из средних учебных заведений, отцом же — их директор, взявший винтовку и направившийся в тот район, где в это время был бой».

28 октября большевики оставили сакральный центр древней столицы. «В Кремле находился прекрасно

снабженный Арсенал и огромные святыни и богатства соборов, дворцов, Патриаршей ризницы и Оружейной палаты. Ввиду этого было решено взять Кремль на заре приступом, были приготовлены штурмовые лестницы. Кремль весь был окружен юнкерами, и на Красной площади уже к ночи были небольшие стычки, — вспоминал один из воспитанников Александровского училища (в разных источниках значится как «юнкер В.С. Арсеньев»). — На заре вдруг пришло известие, что 56[-й] полк сдается, и наша рота первую вошла в Троицкие ворота».

В советских изданиях рассказывалось о массовом расстреле революционных солдат юнкерами и офицерами, занявшими Кремль. В реальности тот едва не стал для молодых людей смертельной ловушкой.

«Когда мы присоединились к роте, то выяснилось, что когда 56[-й] полк был выстроен и юнкера были заняты счетом солдат, то из казарм или Арсенала раздались выстрелы в юнкеров — это и было сигналом для оставшихся в казармах начать стрельбу из удержанных винтовок в находящиеся на площади юнкеров, за этим-то оружием и побежали встреченные нами на лестнице солдаты, — уточнял много позже юнкер Арсеньев, занимавшийся вместе с товарищами обходом казарм. — Благодаря отваге и решимости моих товарищей..., удалось оттеснить вниз в сени бежавшую навверх массу и забаррикадировать боковую из сеней во двор дверь... Когда все более или менее успокоилось, мы вышли на площадь; там лежали раненые и убитые солдаты и юнкера, висели вырванные снарядами железные цепи от тумб».

Итак, главная цитадель Москвы первыми в нашей истории белогвардейцами оказалась взята. Вот только против пушек не могли им помочь никакие стены.

«Мы заняли Кремль, мы — всюду / Под влажным покровом тьмы, / И все-таки только чуду / Вверяем победу мы. / Ведь заперты мы во вражьем / Кольце, что замкнуло нас, / И с башни кремлевской — стражам / Бьет гулко полночный час...»

Прямой наводкой по Кремлю

Надеяться оставалось только на поддержку, которую, по идее, могла оказать Ставка. Но помощи не было. С одной отгадой и несколькими пулеметами против пушек, бьющих со всех сторон, сражаться тщетно.

Большевики установили орудия в Замоскворечье и били по Кремлю прямой наводкой — по старинным церквям, башням, крепостным стенам. Обстрел шел также с Лубянской площади, Ходынки, Воробьевых гор. Один из снарядов попал в Спасскую башню. Кремлевские часы остановились, словно бы поставив финальную точку в судьбе той, прежней России.

Исход боев решили огромное численное превосходство большевиков и артиллерия. А те, у кого были все возможности помочь защитникам Москвы, отчаяв-

шимся, но не отступившим, предпочли договариваться с военно-революционным комитетом.

Полковник Трескин настроился сражаться до конца и требование Рябцева о прекращении боевых действий проигнорировал. Отдал находившимся у него в подчинении молодым людям «категорическое приказание не поддаваться на провокации и не оставлять своих постов», но все было напрасно: «Я вышел на Арбатскую площадь и был крайне поражен при виде большой толпы, запрудившей всю площадь; как оказалось, со стороны Пречистенского бульвара оборона была снята, и, таким образом, к зданию училища мог уже проникнуть кто хотел, и дальнейшая оборона моих отрядов оказывалась бесцельной. С тяжелым камнем на душе пришлось отдать приказание отрядам сняться и с оружием прибыть в училище».

Когда представитель большевиков начал выдавать пропуска на выход из Александровского училища, Трескину и его адъютантам было объявлено: их предадут революционному суду. Офицер сдаваться не спешил: «Ночью... мне удалось проникнуть в комнату, где выдавались пропуска, и, благодаря мертвецкому сну выдававшего эти пропуска «товарища», написать на пропусках собственные фамилии и их таким образом получить и в 8 часов утра покинуть училище через толпу галдевших матросов, прибывших из Петрограда».

До свидания, мальчики

3 (16) ноября юнкера, офицеры и студенты окончательно покинули Кремль и здание училища. Кто-то позднее пробрался на Дон и вступил в Добровольческую армию.

«Отважной горсти юнкеров / Ты не помог, огромный город, — / Из запертых своих домов, / Из-за окон в тяжелых шторах — / Ты лишь исхода ждал борьбы / И каменел в поту от страха, / И вырвала из рук судьбы / Победу красная папаха», — с горечью констатировал Митропольский.

Погибших юнкеров в ноябре 1917-го отпевали в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот и в Храме Христа Спасителя, хоронили в основном на Братском кладбище. По свидетельствам современников, эти похороны потрясли москвичей. На могилы ложились белые хризантемы и еловые ветки. Оркестра не было — запретили большевики. В 1990-х на территории бывшего Братского кладбища воздвигли памятный крест.

Спустя сто лет героический образ этих молодых людей в коллективной памяти соотечественников сильно потускнел, почти стерся. Тем ценнее дошедшие до нас свидетельства их самоотверженной борьбы за правое, пусть и безнадежное, дело. Строки воспоминаний Александра Вознесенского, некогда служившего комиссаром московского градоначальства, могут служить в этом плане в качестве эпилога:

ГРУППА ЮНКЕРОВ И СОЛДАТ ЗА КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНОЙ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Огненная стихия, не сдерживаемая пожарными командами, которые не могли тушить пожар после такого обстрела, яростно бушевала, разрушая все на своем пути. Звонко лопались стекла в окнах, таяла и лилась, как масло, цинковая крыша, разноцветными огнями вспыхивали горевшие электрические провода, рушились расплавленные водопроводные трубы, выпуская воду фонтанами в подвал, где прятались жильцы, большинство из которых погибло, а часть была спасена юнкерами. И в таком аду эти мальчики продолжали сражаться»...

ЮНКЕРА НА УЛИЦАХ МОСКВЫ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

На семи холмах

Революционный держите код

Ольга Марьяновская

В год столетия октябрьского переворота артефакты, непосредственно с ним связанные, вызывают совершенно особый интерес. И закономерно, что одну из своих ключевых экспозиций Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР) посвятил событиям, «которые потрясли мир». Революционные эксцессы, Гражданская война, расстрел царской семьи, террор, голод, репрессии, разрушение храмов и убийства священников... Обо всем этом лаконично, но в то же время весьма доходчиво рассказывает выставка «1917. Код революции».

2017 ГОД стал юбилейным для самого музея, образованного 21 марта 1917-го. Его коллекция изначально посвящалась освободительному движению в России. Собранные за многие годы уникальные документы и предметы представляют эпоху беспристрастно и подробно, отчасти воссоздавая ее историческую атмосферу. Авторы проекта никому не навязывают собственных оценок, стремятся к тому, чтобы зрители делали выводы самостоятельно, посмотрев клипы с хроникой и фотографиями, ознакомившись с текстами и цитатами, официальными бумагами, личными вещами участников событий, произведениями искусства, содержанием интерактивных киосков, храня-

щих огромный объем архивной информации.

В первом зале посетителей ждут экспонаты, свидетельствующие о жизни страны на рубеже XIX–XX веков и в начале 1900-х. Экономическое развитие, промышленный рост, столыпинские реформы — с одной стороны, усиление социальных противоречий, возникновение партий и движений, активизация политической борьбы — с другой. Все эти факторы вкпе с драматическими разногласиями внутри российской элиты привели к предреволюционному кризису.

Музейные витрины, посвященные Русско-японской войне, революции 1905–1907 годов, как бы предвзряют трагический контекст Первой мировой, чреватой невиданными доселе человеческими жертвами, разорительными для государства и общества расходами, обострением едва ли не всех имевшихся в империи проблем. На старых фотографиях — русские солдаты в окопах перед боем, газовая атака, полевой лазарет, развернутый в Зимнем дворце госпиталь

цесаревича Алексея. Рядом — подлинныe документы, портрет Григория Распутина, карикатуры, свидетельствующие о росте социальной напряженности, распространении марксизма, об утрате доверия подданных к своему царю.

Стенды второго зала обращают всеобщее внимание на самые важные вехи-даты 1917-го — с Февраля по Октябрь. Вре-мя тогда слов-

но ускорило шаг, события сменялись с небывалой быстротой. Февральская революция погрузила страну в состояние эйфории, но очень скоро такие настроения трансформировались в классовую ненависть, хаос и всеобщий распад. Экспонаты — немые участники тех процессов. Ключи от комнат Александровского дворца, в которых находились под арестом Николай II и его семья после отречения императора от престола. Шашка, отобранная красногвардейцами у городского. Бляха милиционера и нарукавная повязка комиссара — предметы, указывающие на роспуск царской полиции и жандармерии и последующее создание народной милиции. Ключ от Никольских ворот Петропавловской крепости, створка двери камеры из Александровского центра под Иркутском — свидетели всеобщей амнистии, объявленной Временным правительством, приведшей, как известно, к разгулу

преступности, тотальной анархии. Под стеклом — Приказ №1 Петроградского совета, узаконивший солдатские комитеты и тем самым лишивший офицеров власти над рядовым составом. Итог: потеря управления в армии, массовое дезертирство. В ту пору распространилось так называемое братание на полях мировой войны. «Кольцо братания», изготовленное в русской полевой кузнице из немецкой серебряной монеты, также находится здесь.

Под потолком в качестве символа эпохи — изуродованный Малый герб Российской империи, прежде украшавший здание Московской городской думы. У него обрублены орлиные крылья и отломан skipетр. Портреты членов Временного комитета Государственной думы и министров Временного правительства соседствуют с фотоснимками «бабушки русской революции» Екатерины Брешко-Брешковской, теоретика анархизма Петра Кропоткина, левого эсера Марии Спиридоновой, меньшевика Юлия Мартова и возвращающегося из Швейцарии Владимира Ленина с группой политэмигрантов.

В период популярности Александра Керенского изображения этого

НА СЕМИ ХОЛМАХ

(цитата) «славного, мудрого, честного и любимого вождя свободного народа» чеканили на жетонах. Тогда же появился и его скульптурный портрет с ангельскими крыльями за спиной. Вскоре на смену восхищению пришли горькое разочарование и очень злые карикатуры. Неподалеку выставлены продуктовые карточки 1917 года. На мониторах мелькают кадры огромных очередей за продуктами в период продовольственного кризиса, разбора на дрова деревянных домов в Петрограде.

Зал, посвященный Октябрю, выделен красным цветом. В центре — бюст Ленина, произносящего речь. Долгие годы монумент хранился в фондах музея и не выставлялся. Вокруг — экспонаты, повествующие о вооруженных восстаниях в Петрограде, Москве и других городах: балка из старого московского дома с застрявшим в ней снарядом, пулемет «Максим» образца 1915 года, кожаная куртка и красноармейская фуражка участника штурма Зимнего дворца, матросский бушлат и бескозырка, единицы оружия и многое другое. С фотографий смотрят члены советского правительства, ниже — обращение председателя Совнаркома Ленина «К населению», заявляющее о победе Октябрьской революции и задачах борьбы на местах от 18 (5) ноября, передовицы «Известий» с опубликованными декретами о мире и о земле.

Зал четвертый увешан плакатами с образами «врагов народа»: царя, буржуя, кулака и священника. Масштабная борьба с религией была развернута несколько позже, в 1920-е, но уже с декабря 1917 года принимались постановления и акты, упразднявшие функции православной церкви как государственного учреждения. Отдельный стенд «Церковь и власть» рассказывает о конфликте между священнослужителями и большевиками. Как известно, в преддверии тяжелейших испытаний, после почти

ФОТО: АНТОН ЛУКАНИН/ТАСС

ФОТО: АНТОН ЛУКАНИН/ТАСС

ФОТО: МАКСИМ БЛИНОВ/РИА НОВОСТИ

200-летнего перерыва, было восстановлено патриаршество. Государственный исторический музей предоставил для выставки вещи, связанные с жизнью святейшего патриарха Тихона: куколь, посох, напрестольный крест. Тут же — машинописные странички послания его святейшества от 19 января 1918 года с анафемой безбожникам, различные церковные документы.

В зале представлены сведения о других знаковых событиях начала 1918 года. 6 января — разгон Учредительного собрания, 10 января — открытие III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, поддержавшего политику большевиков и провозгласившего образование РСФСР. 3 марта состоялось подписание Брестского мирного договора, Советская Россия вышла из Первой мировой войны в роли проигравшей. При этом от страны была отторгнута территория суммарной площадью в 780 тыс. кв. км с населением 56 миллионов человек.

Едва приметны в витрине вещественные доказательства расправы

над Николаем II и его семьей в ночь с 16 на 17 июля: кобура от револьвера системы «Кольт» палача Якова Юровского, такой же пистолет другого участника расстрела Михаила Медведева-Кудрина. Поблизости — текст, составленный Юровским при передаче оружия в музей, с описанием подробностей убийства. С помощью сенсорных мониторов можно ознакомиться с листовками и популярными газетами того времени: эсеровскими, меньшевистскими, большевистскими. Есть возможность послушать аудиозаписи воспоминаний современников тех событий. Один из киосков посвящен известным политическим и государственным деятелям первой половины XX века.

Последний зал полностью выделен под революционное искусство — агитационный фарфор, графику, скульптуру, прикладное творчество.

— Мы попытались «расшифровать революцию», показать ее предпосылки, основные события, — отметил куратор выставки, ученый секретарь ГЦМСИР Никита Ани-

кин. — Музей должен говорить на понятном для широкого круга людей языке. Ведь в наши задачи входит не только собирание и хранение, но и просвещение. Выставка вместила более полутора тысяч экспонатов из нашего фонда и из Российского государственного архива социально-политической истории. Изучение собранных в залах документальных источников и вещей позволяет вдумчивому зрителю составить обо всем собственное мнение. До сих пор российское общество раздирают вопросы, связанные с революцией. Одни и те же вещи воспринимаются соотечественниками совершенно по-разному. Да и наши посетители высказывают порой диаметрально противоположные мнения. Сколь бы сложна и противоречива ни была российская история, современная молодежь должна ее знать. Экспозиции вроде этой — своего рода предупреждение, неплохой урок на будущее. Более того, некоторые сюжеты столетней давности живо напоминают то, что происходило и происходит на наших глазах.

Уходящая натура

К. МАЛЕВИЧ. «ГОЛОВА КРЕСТЬЯНИНА». 1932.

Авангардизма век недолог

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Октябрь 1917-го коренным образом изменил не только общественно-политическую реальность страны. Его дыхание в полной мере ощутило и изобразительное искусство. Расцвет авангарда, зарождение конструктивизма обычно связывают с историческим переломом, случившимся сто лет назад. Однако в ту мятежную эпоху сосуществовало множество разнонаправленных художественных течений.

Н. АЛЬТМАН, «ПЕТРОКОММУНА», 1921

СОВРЕМЕННОКИ революции не сразу оценили масштаб и значение перемен. Эстеты из объединения «Мир искусства» старательно игнорируя социальные катаклизмы, окунулись в собственную утопию, причем герметическую. Константин Сомов писал благостные пасторальные картинки, Константин Коровин множил размашистые натюрморты. Конечно, были и те, кто ощущал тревожные токи истории, например — Борис Григорьев с его знаменитым крестьянским циклом.

Кому-то новые реалии казались причудливыми декорациями. Такому восприятию способствовала сама жизнь: с одной стороны, массовые волнения, столкновения, смерти, с другой — творческие поиски, желание существовать одновременно в двух мирах, внутреннем и внешнем.

Непрерывной чередой шли вернисажи. Исследователи утверждают, что такого количества выставок, как в 17-м (по крайней мере, в Москве), прежде не наблюдалось. Коллекционеры активно скупали картины. Простая публика, уже погружившаяся в скудный быт, напротив, в галереи заглядывала все реже.

В какой-то момент игнорировать наступление нового порядка стало невозможно. В 1920-м покинул Россию Иван Билибин, затем уехали Мстислав Добужинский, Филипп Малявин, Василий Кандинский. Марк Шагал, Василий Шухаев, Александра Экстер, Николай Фешин. Одни получили международное признание. Другие не смогли полностью реализовать свой потенциал. К примеру, Фешин прославился в Америке, однако личные драмы вынудили его стать затворником. Третьи, вроде Шухаева, вернулись на Родину и, как многие, попали под репрессии.

РИСУНОК: В. ЛЕБЕДЕВ, 1920

РИСУНОК: В. ЛЕБЕДЕВ, 1920

Те же, кто остался, не спешили создавать картины на революционные темы. Исключение — Иван Владимиров, мастер советской батальной живописи. Он вошел в историю как автор идеологически выдержанных произведений «В.И. Ленин на митинге» (1923), «Бегство буржуазии из Новороссийска» (1926). Параллельно художник работал и в совершенно ином ключе, особенно в 1917–1918 годах, когда служил в Петроградской милиции. С позиции сегодняшнего дня некоторые его акварели кажутся сатирическими и даже контрреволюционными. Владимиров запечатлел вандализм в Зимнем дворце, протыкающих штыками царские портреты; разграбление винных лавок, разбор деревянных домов на дрова, разделку павших лошадей прямо на улицах. Подобные свидетельства потрясают сильнее фотографий.

Социальные потрясения вывели на первый план и представителей русского авангарда. Композитор-футурист Артур Лурье вспоминал: «Нам была предоставлена полная свобода делать все, что нам угодно в нашей сфере: подобный случай произошел впервые в истории. Нигде в мире никогда не было ничего подобного этому. За эту веру в нас мы безоговорочно вошли в революцию... Никто не препятствовал художникам-футуристам в их декоративных ухищрениях: во время революции все заборы, все арки, все стены зданий были разукрашены самым невероятным образом и с самой невероятной фантазией».

Диалог творцов и новой власти поначалу складывался успешно. Ранее считавшиеся чуть ли не отверженными, подвергавшиеся насмешкам со стороны культурного истеблишмента, внезапно они оказались легитимированы в эстетическом и общественном пространстве. Казимир Малевич, Владимир Татлин, Павел Филонов, Александр Бенуа — все они сразу после Октября заняли ответственные посты. Бенуа в 1918-м возглавил Картинную галерею Эрмитажа. Автор «Черного квадрата» стал директором Петроградского музея художественной культуры, впоследствии преобразованного в Государственный институт художественной культуры. На короткий срок представители богемы превратились в функционеров, стремившихся продвигать в массы демократичное искусство.

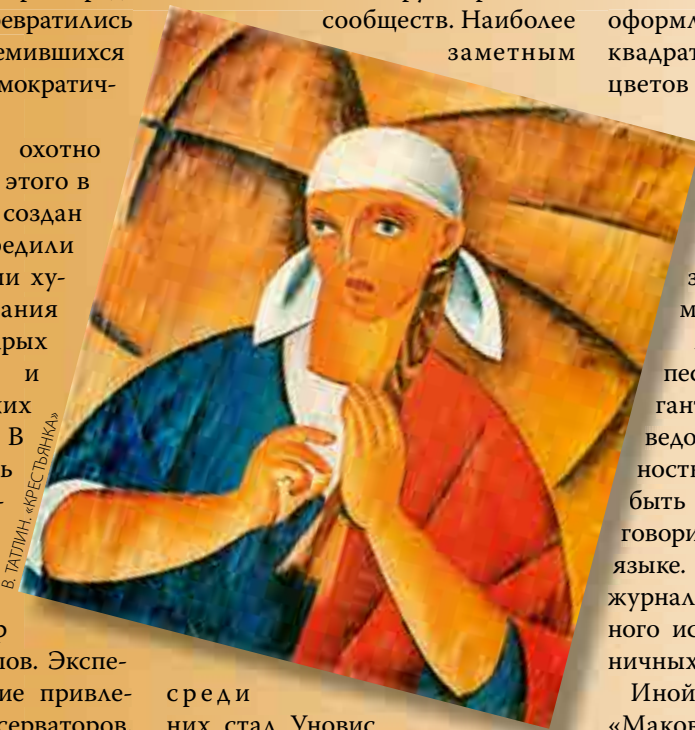
Передовые мастера охотно делились опытом. Для этого в 1920-м в Москве был создан ВХУТЕМАС. Его учредили на волне реорганизации художественного образования с целью отхода от старых принципов обучения и воспитания творческих людей нового типа. В разное время здесь преподавали Эль Лисицкий, Александр Родченко, Варвара Степанова, Владимир Фаворский, Федор Шехтель, Абрам Архипов. Экспериментальное заведение привлекало и умеренных консерваторов. Так, мастер неоклассицизма Иван Жолтовский, будущий автор Дома на Моховой, трудился вместе с куда более радикально настроенными зодчими, конструктивистами Ильей Голосовым и Константином Мельниковым. В 1926 году на основе ВХУТЕМАСа открыли ВХУТЕИН, позже расформированный. Из него, в свою очередь, выросли нынешний МАРХИ, Московский полиграфический ин-

П. ФИЛОНОВ. «ОФИЦЕРЫ». 1916–1917

ститут, Московский художественный институт им. В.И. Сурикова.

Бурная культурная жизнь 20-х оказалась питательной средой для всевозможных группировок и сообществ. Наиболее заметным

В. ТАТЛИН. «КРЕСТЬЯНКА»

среди них стал Уновис («Утвердители нового искусства»), образованный Малевичем в Витебске еще в 1920–1922 годах, позднее многие члены перекочевали в ГИНХУК. Совместно с учениками мэтр превратил город в огромное супрематическое произведение. Они создавали вывески для столовых, броские знамена, расписывали трамваи и трибуны, конкурируя с Шагалом, который до 20-го также творил в Витебске.

Вторая жена Алексея Толстого, художница-авангардистка Софья Дымшиц-Толстая, вспоминала: «Я попала в Витебск после Октябрьских торжеств, город еще горел от оформления Малевичем кругов, квадратов, точек, линий разных цветов и шагаловских летающих людей. Мне казалось, что я попала в замороженный город, в то время все было возможно, чудесно, и витебчане на тот период заделались супрематистами».

Москва и Петроград тоже пестрели транспарантами, гигантскими растяжками, проповедовавшими новое. Деятельность художников перестала быть элитарной, они старались говорить с массами на понятном языке. Отсюда расцвет плаката, журнальной графики, декоративного искусства — простых, лаконичных, доступных.

Иной дух царил в объединении «Маковец», получившем название в честь холма, на котором Сергей Радонежский основал монастырь, нынешнюю Троице-Сергиеву лавру. Во главе творческой группы стоял Василий Чекрыгин, автор пронзительной, апокалиптической графики. Его соратники исповедовали примирительный подход, основанный на преемственности. Впрочем, лидирующих позиции духовно ориентированный «Маковец» никогда не занимал.

В целом, как утверждал критик Абрам Эфрос, именно «футуризм стал официальным искусством новой России». Правда, интересы передовых художников не всегда совпадали, что вскоре вызвало серьезный кризис внутри движения. Особую позицию занимали теоретики-мечтатели вроде Малевича, чьи предложения звучали порой чересчур радикально. Еще в 1919-м он опубликовал текст «О музее», призвав не защищать предметы старого искусства, при том, что большевики стремились сохранить доставшиеся им богатства. Не испытывавший пиетета перед культурным наследием Малевич продвигал искусство всемирное, универсальное, супрематическое, преисполненное непомерных амбиций и призванное в перспективе одержать верх даже над победившим строем. Вот что заявлял по этому поводу Эль Лисицкий: «И если сегодня коммунизм, поставивший владыкой труд, и супрематизм, выдвинувший квадрат творчества, идут вместе, то в дальнейшем движении коммунизм должен будет отстать, ибо супрематизм, охватив всю жизнь, выведет всех из владычества труда, владычества бьющегося сердца, освободит всех в творчество и выведет мир к чистому действию совершенства... Так, на смену ветхому завету пришел новый, на смену новому — коммунистический и на смену коммунистическому идет завет супрематический».

Пока теоретики строили воздушные замки, практики пытались воплотить концепцию искусства утилитарного. Новый человек нуждался в особых формах как в жилище, так и в мебели, посуде, одежде. Любовь Попова, Александр Родченко, Варвара Степанова выступали за творчество, полезное народу. Они много работали в фарфоре и текстиле.

ЭЛЬ ЛИСИЦКИЙ. «АБСТРАКЦИЯ 1»

П. МИЛОНОВ. «ПОБЕДА НАД ВЕЧНОСТЬЮ». 1920

К. ЮОН. «НОВАЯ ПЛАНЕТА». 1921

К середине 20-х буря начали стихать. Определелись две ведущие группировки: Общество художников-станковистов (ОСТ) и Ассоциация художников революционной России (с 1928 года — Ассоциация художников революции). ОСТ был основан выпускниками ВХУТЕМАСа, в него входили Давид Штеренберг, Александр Дейнека, Юрий Пименов, Александр Лабас, Сергей Лучишкин, Александр Тышлер. Их произведения строились на формальных экспериментах и достижениях экспрессионизма.

АХР, возникшая на базе Товарищества художественных передвижных выставок, исповедовала реалистические принципы, которые казались в ту пору анахронизмом, и упорно воевала с авангардом. Наиболее заметные представители — Павел Радимов, Федор Богородский, Сергей Мамлютин, Константин Юон. Конкурентная борьба завершилась викторией ахровцев. И хотя в 1932-м обе организации были распущены, именно АХР стала предтечей Союза художников СССР. Реалистический метод окончательно победил. Время поисков закончилось, началась совсем другая история.

Н. АЛТЫМАН. ЭСКИЗ СОБОРМЛЕНИЯ ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ

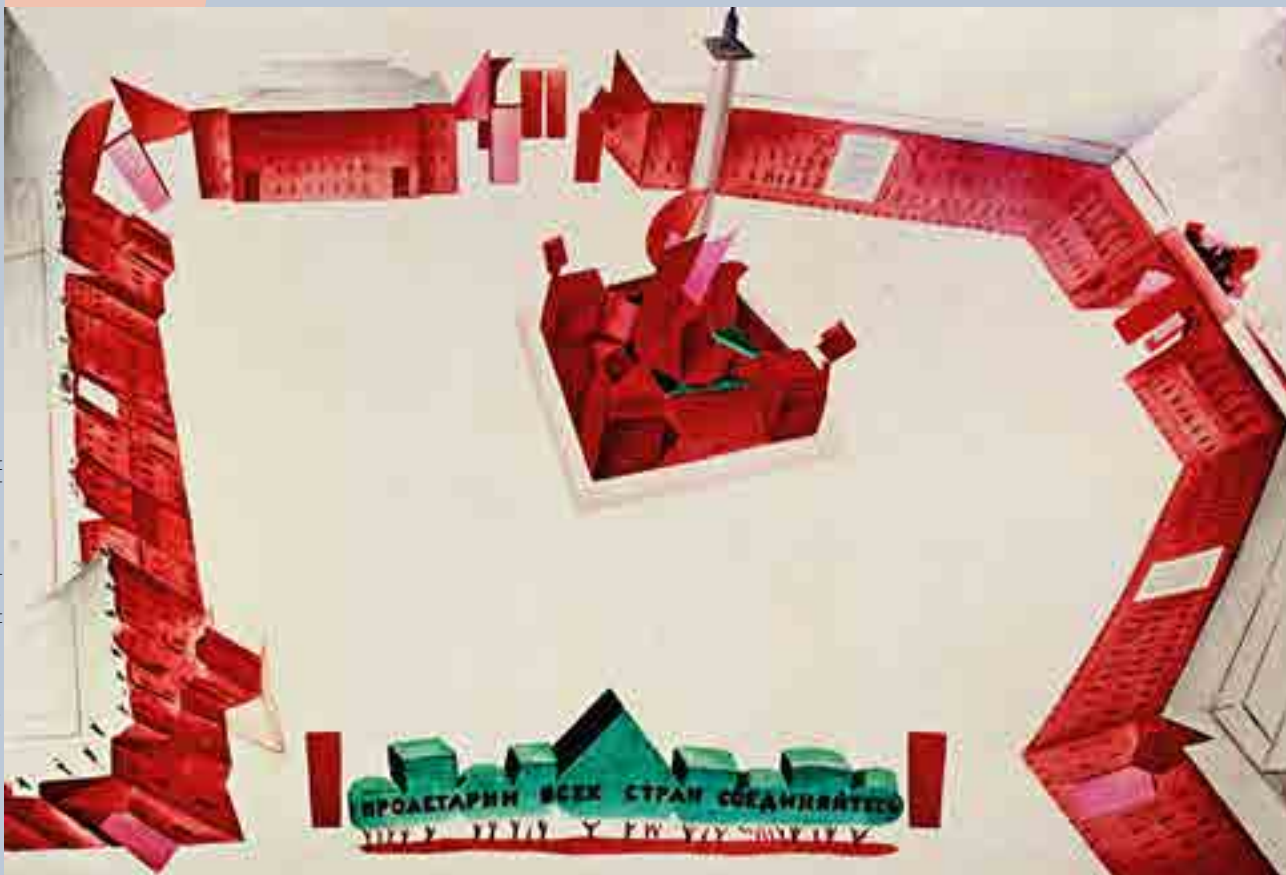

ФОТО: РУДОЛЬФ КУЧЕРОВ/РИА НОВОСТИ

Переворот в сознании

Елена Федоренко

Недобрые звуки и тени преследовали театр в дни переворота. Пустынный город, беспорядочная стрельба, напряженные, явно чем-то сильно обеспокоенные офицерские патрули. Тем не менее 25 октября (7 ноября) 1917 года в Александринке давали «Маскарад» в постановке Мейерхольда. Актеры опаздывали к началу. Еще на премьере от случайной пули погиб студент. Тревога нарастала, но показ все-таки состоялся.

НЕПОДАЛЕКУ, в «Народном Доме государя императора Николая II» на Каменноостровском проспекте, в опере Верди «Дон Карлос» партию короля Филиппа II пел Федор Шаляпин. Возбужденная публика долго не покидала театр, и не только потому, что овации затянулись. За стенами стрекотали пулеметы, зрители боялись выходить на улицу. В Москве во время октябрьского вооруженного восстания обстреляли и разграбили Малый театр. В Художественном, во время «Села Степанчиково», на балконе стрелялся офицер. Спектакль остановили. Вынесли труп, спешно затерли кровь, спросили публику, играть ли

дальше. Зал потребовал продолжения. В театре вели дневник. «Пока жива», — записала Книппер-Чехова. Отметился Москвин: «Жив и я». Страх и мрачная погребальность поселились за кулисами.

Привычный мир опрокидывается, актеры опасаются радикальных реформ новой власти, разрушение еще вчера крепких основ меняет жизнь, как течение бурной реки. Все, кто еще недавно входил в Дирекцию императорских театров, принимают решение: что бы ни происходило, продолжать работать, служить сцене. Спонтанный выбор оказывается единственно верным. Театр удается сохранить — организационно, творчески, социально. В трудное лихолетье Гражданской войны и нескольких этапов революционной борьбы («Есть у революции начало, нет у революции конца») выстояли Большой, Мариинский, Малый, МХТ, Александринский, Камерный. Нарком просвещения Луначарский бился за них отчаянно.

Холод тем не менее берет свое — и в чувствах, и в быту. Нет отопления, дров не подвозят. Одна из актрис признается, что, когда их все-таки доставляют, душа радуется, «будто Иверскую привезли, смех да слезы». Голод, очереди за хлебом. Актеры с выездными спектаклями отправляются на фабрики, заводы, выступают с концертными программами перед рабочими в цехах. Гонорар — стакан пшена и одна вобла. Помните ржавую чудосочную селедку на натюрморте Петрова-Водкина? Это эстетический документ эпохи, которую Василий Розанов назовет «Апокалипсисом нашего времени». Бунин напишет «Окаянные дни». Артем Веселый — «Россию, кровью умытую». «Ветер, ветер — на всем Божьем свете!» — воскликнет Блок. Шолоховский Григорий Мелехов увидит над собой черное небо и черное солнце. Такими представлялись эти годы совре-

Большой театр. Ноябрь 1918 года

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Спектакль «Великодушный рогоносец» В. Мейерхольда. Художник — Л. Попова. 1922

ФОТО: РИА НОВОСТИ

менни-кам.

И все-таки на мрачных перепутьях русская интеллигенция, включая тех, кто не принимал и не понимал революции, определенно испытывала бередя-

щий душу восторг перед сокрушающей мощью перемен. Павел Марков писал: «Революция заражала поэтов и художников... или как эстетическое явление, или как взрыв стихийных сил почти космического порядка. Социальное ее значение и смысл отходили для иных на второй план перед разрушительной ее силой». «С художника спросится!» — говорит режиссер. «Слушайте революцию!» — призывает поэт. И они ищут созвучий новой эпохе

А. КУПРИН. ЭСКИЗ ПАННО «ИСКУССТВО»

на сцене: в атмосфере, в интонациях и ракурсах, в энергии поиска и романтическом настрое.

Малый театр фильтрует старый репертуар, отвергает салонные мелодрамы, оставляя в первых строках афиши классику, обращается к «Посаднику» по незаконченной пьесе Алексея Константиновича Толстого, монументальной народной драме про Новгородское вече. Впервые берет в репертуар «Старика» Горького, работает над «Кромвелем» Луначарского. Переживает яркий период бури и натиска эстетика Таирова. Дерзкий «Зеленый попугай» на тему Французской революции, с переоценкой культурных ценностей, будоражит умы. Большой театр выпускает триптих: «Прометей (Поэма огня)» сопровождается восторженными и навивными вспышками света; в сцене «Вече» из «Псковитянки» народ вступает в борьбу за свою свободу; в одноактном балете «Стенька Разин» герой ради идеи жертвует личным счастьем.

В зрительях нигде недостатка нет. Театральные залы трещат по швам, с переаншлагами идут даже самые старые постановки. Широкие пролетарские массы тянутся к искусству, ранее недоступному. Московскую публику пополняют без счета беженцы. Бросают дома в местах военных действий и попадают в золоченые ложи на неведомые еще вчера оперы и балеты.

Завлит МХТ Марков не скрывал, что к приходу «нового, массового

зрителя невозможно было не прислушаться, нельзя было не пойти ему навстречу». Нужно было ответить на «ту жажду знания, которая хлынула в зрительные залы». Люди желали зрелищ, хоть как-то выправлявших сошедшее с рельсов бытие. А сценическая жизнь забила ключом. Рождались коллективы: «Вольный», «Новый», «Театр народа». Осваивался романтический репертуар. Открывались районные коллективы: Сretenский,

ФОТО: РИА НОВОСТИ

А. Коонен и А. Румнев в сцене из оперетты «Жирюфле-Жирюфля». 1922

Замоскворецкий, Рогожский-Симоновский.

Пролеткульт со своим маниакальным желанием строить новое искусство, необходимое революции, взвинчивал энтузиазм любителей. Вера в светлое будущее, жизнеутверждающие лозунги, мечты о блаженных коммунах, где закалится человек-богатырь будущего — все шло в дело. Культура захлебывалась от любительских высказываний по поводу свободного идеала красоты, вольной и чистой, всяческих «удовольствий от труда». Самодеятельные коллективы открывались едва ли не каждый день — при отделах народ-

ного образования, рабочих клубах, заводских и фабричных организациях, армейских политотделах. Пафос разрушения старых догм захватывал даже танец. Как грибы после дождя множились пластические студии, где вчерашние курсистки искали естественности движения, возбужденные призывами знаменитой босоножки Айседоры Дункан. Та светилась счастьем в красной Москве и признавалась комиссару Подвойскому: «Нет ничего невозможного в этой великой стране!» Еще бы. Традиции классического балета нещадно взламывались, пуанты, трико и пачки, как казалось, безвозвратно выбрасывались на свалку истории. Количество студий, приютов дилетантов, только в Москве приближалось к сотне. Чего там только не придумывали. Николай Фореггер, например, создал «Театр четырех масок», пересадив на русскую почву принципы площадного зрелища Европы. Оживление театральной жизни воспринималось как естественный ответ на революцию, поманившую небывалой и непонятной новизной. Хотелось ею воспользоваться, познать, изведать.

Агитационно-политические инсценировки вышли на улицу, соединив под открытым небом энергию пения, звучащего слова и движения. Пассионарии предьявляли массовые зрелища под названиями: «Пантомима Великой Революции», «Действо о III Интернационале», «Взятие Зимнего дворца», их воплощали сотни участников и смотрели тысячи зрителей.

Кипучая, деятельная и сумбурная инициатива левого искусства пошла в наступление на консервативные, «буржуазные» взгляды традиционного театра. Деятели Пролеткульта, и не только они, ратовали за ликвидацию бывших императорских театров, тормозивших бегство в светлое завтра. «Пролетарские» драмтеатры собирали свои труппы, «без традиций, с грандиозными исканиями

новых путей». Дело оставалось за малым — провести национализацию и отобрать в свою пользу здания со всем их материально-техническим оснащением. Резолюцию приготовили и едва не запустили процесс.

Спас ситуацию, не позволив превратить искусство с национальным и патриотическим самосознанием в заведомую фальшивку, Анатолий Луначарский. Образованный человек зрелых эстетических взглядов не сомневался в необходимости сохранения старой театральной культуры и был убежден, что она понадобится новой России. Стоял за бывшие императорские сцены насмерть. Председатель Совнаркома Ленин парировал: «Все театры советую положить в гроб. Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте».

Сценические коллективы тем временем действовали сообща, руководство экс-императорских трупп объединилось и потребовало автономии для государственных театров. Специальная комиссия подготовила устав, и Луначарский снайперски точно провел свою программу в жизнь. Теперь культурные очаги, «признаваемые полезными и художественными», становятся национальным достоянием и субсидируются государством. Диалог между ними и большевистской

властью налажен, Луначарский резюмирует: «Мы будем продолжать, во-первых, сохранять, облагораживать и приближать к народным массам театр прошлого в его лучших, характернейших психически и исторически богатых формах; во-вторых, мы будем всемерно содействовать умножению и возвышению студий, творящих нового, революционного артиста и новый, революционный репертуар».

Труппы с богатой историей перестало лихорадить, и уже в самом начале 1920-х, после окончания Гражданской войны, рождаются шесть гениальных спектаклей. «Великодушный рогоносец» — у Мей-

ерхольда, «Принцесса Турандот» Вахтангова — в Третьей студии МХТ, его же «А-Дибук» — в Еврейской студии «Габима». Таиров в Камерном выпускает «Федру» и «Жирофле-Жирофля», Художественный возобновляет «Ревизора» с непревзойденным Михаилом Чеховым в роли Хлестакова. Небывалый театральный взлет 20-х продемонстрировал еще один вираж: служители Мельпомены осмыслили новые темы и новую реальность, как бы подтверждая мысль Немировича-Данченко. После революции он сказал, что сцена не может отразить текущую эпоху непосредственно, потому что «мы ее не пе-

На репетиции «Мистерии-Буфф» по пьесе В. Маяковского

Спектакль «Принцесса Турандот» Е. Вахтангова. 1922

режили, мы в ней пока еще живем». Для художественного осмысления действия нужна дистанция. Как только она была пройдена, появились «Шторм», «Дни Турбиных», «Любовь Яровая», «Разлом». Театр получил современную драматургию и взял в разработку образы и темы, предугаданные Маяковским в его «Мистерии-Буфф», поставленной Мейерхольдом к первой годовщине Октября в Петрограде. Так взбудораженные первые послереволюционные годы стали своеобразным периодом накопления, подготовив расцвет театра последующих десятилетий.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Философ о философе

Б. КУСТОДИЕВ. «ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ У ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА», 1906

Он знаменит был как марксист...

Ксения Ермишина

Философ, политик, экономист — Петр Струве был одним из главных выразителей духовных поисков, интеллектуальных течений, идейно-политических теорий, возникших на рубеже XIX–XX веков. Современники некоторое время называли его «апостолом марксизма». Но впоследствии он стал первопроходцем нового религиозно-философского направления, проделал сложный путь от марксистской теории к идеализму. В центре его мировоззрения всегда была любовь к России — почти страсть, которой он оставался верен до последнего вздоха.

СТРУВЕ родился в начале 1870 года в семье обрусевшего немца, губернатора Перми, сына известного астронома. Гимназию окончил в Санкт-Петербурге. Поступил сначала на естественное отделение Петербургского университета, затем перешел на юридический факультет. Рано увлекся экономической теорией и политической философией. Марксизм, который только входил в моду, молодой Струве провозгласил передовым учением. Верил в экономические законы, согласно которым, по его мнению, Россия должна была отказаться от общинного, крестьянского быта и во что бы то ни стало пройти стадию капитализма. Такие взгляды тогда сочувствия не вызывали. В обществе распространились славянофильские убеждения: страна обязана сохранить крестьянство, что позволит ей безболезненно войти в социализм, минуя ужасы тотально несправедливого капиталистическо-

го строя. Струве же придерживался мнения, что законы истории неумолимы, Российская империя неминуемо преодолеет те же фазы общественного развития, что и Европа, а отставание чревато большими потерями и даже трагедиями. Он был последовательным, убежденным западником, полагал, что России не удастся избежать революционных перемен, призванных дать ей конституцию и политические свободы.

Молодые люди приветствовали его как своего идейного вождя. Историк Александр Кизеветтер, присутствовавший на одном из многочисленных выступлений Струве, вспоминает момент появления того на кафедре: «...Разразилась неистовая буря аплодисментов и восторженных криков. Она долго не смолкала. Председательствовал профессор гр. Комаровский, который из сил выбился, звеня в колокольчик. Но колокольчика совсем не было слышно».

В тот период Петр Бернгардович познакомился с Лениным. Их отношениям суждено было пройти все возможные этапы — дружбу, соперничество, идейное охлаждение — и вылиться во взаимную ненависть. События 1905 года выявили слабости политических взглядов Струве, и он постепенно отошел от революционного движения, все больше внимания уделяя общественной работе. Выступил инициатором подготовки и выпуска философского сборника «Проблемы идеализма», ставшего знаком нового направления интеллектуальной мысли. Русская интеллигенция постепенно разочаровывалась в революционных идеях, искала новое, религиозно-философское мировоззрение, не желая довольствоваться более материализмом и верой в прогресс, якобы способный решить все проблемы

ФОТО: РИА НОВОСТИ

П. Струве

ФОТО: РИА НОВОСТИ

человечества. Струве, словно барометр, измеряющий настроения общества, почувствовал, что именно философия как система цельного взгляда на мир крайне необходима для русского образованного класса. Он был весьма плодовитым публицистом, написал огромное

количество статей — литературоведческих, исторических, экономических, но все его творчество оказалось тем не менее подчинено одной цели. Абсолютным приоритетом стала для него идея политических и гражданских свобод, следование общеевропейскому историческому пути. Он страстно критиковал утопизм, народничество и славянофильство, интеллигентскую наивность, инфантилизм в сфере общественных ожиданий. Авторитет Струве в глазах современников был действительно велик. Недаром русская молодежь, представляющая генерацию рожденных в 1900–1910 годы, оказавшись в эмиграции после 1917-го, связала революционную катастрофу с его именем. По воспоминаниям автора знаменитой книги «Незамеченное поколение» Владимира Варшавского, «среди русских студентов в Праге случилось слышать разговоры, что первого, кого нужно повесить по возвращении в Россию, — это Петра Струве». Молодые эмигранты еще надеялись на то, что советский режим вскоре падет, и, вернувшись на Родину, они уничтожат само воспоминание о революции и ее горьких плодах.

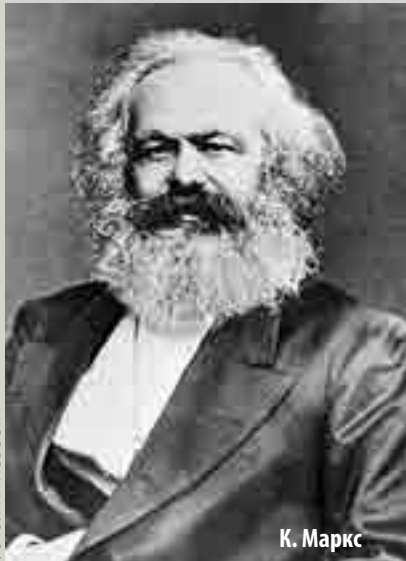
Была доля вины Струве в разрушении вековых основ, устоев России? Правда в том, что в годы, предшествующие потрясениям, он являлся одним из инициаторов выпуска газеты «Искра», редактором нелегального журнала «Освобождение», участвовал в создании «Союза освобождения» и других значимых социально-политических процессах. Однако для него самого тот этап жизни был не самым важным — по сути, промежуточным. Подлинным знаком его нового и вполне зрелого умонастроения стало участие в сборнике «Проблемы идеализма» — предшественнике легендарных

ФИЛОСОФ О ФИЛОСОФЕ

«Вех». Последние, изданные им совместно с Сергеем Булгаковым, Николаем Бердяевым, Семеном Франком и другими отечественными мыслителями, произвели эффект разорвавшейся бомбы. Авторы покусились на святая святых общественного идеала — идола революции. «Веховцы» показали бесплодность нашей революционной интеллигенции, ее утопическую мечтательность, ядовитую ненависть к настоящему творчеству и свободе. Сборник означал рождение нового направления русской мысли, послужил предвестником и главным символом религиозно-философского возрождения.

Став депутатом II Государственной думы, Струве получил большой опыт практической политической работы. Как и большинство русских интеллигентов, Февральскую революцию принял восторженно. Более того, убеждал ближайшего друга Франка в том, что Россия двинется вперед семимильными шагами. Когда оба оказались за границей и Семен Людвигович напомнил Петру Бернгардовичу об этих словах, Струве объяснил свое заблуждение предельно кратко: «Дурак был». Столь смелое и вместе с тем горестное признание одного из умнейших людей России того времени говорит о многом. Несмотря на борьбу с химерой народопоклонничества и революционной романтики, он оставался в глубине души человеком, верящим в разумность и закономерность истории: если Россия идет в русле общеевропейского процесса, то либерально-демократическая революция неизбежно откроет двери социальному прогрессу. Стоит отметить, что лишь единицы восприняли Февраль 17-го как катастрофу, поскольку долгие годы интеллигенция провозглашала переворот величайшим благом, пропуском к счастью и свободе.

Когда Струве понял, что «благо намерения» обернулись национальным крахом, то потерял

К. Маркс

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: ВИТАЛИЙ КАРПОВ/РИА НОВОСТИ

Группа основателей «Союза освобождения» в 1902 году в Германии (слева направо): П. Струве, Н. Струве, В. Богучарский, Н. Бердяев и С. Франк

душевное равновесие и даже, по свидетельству Франка, присущую ему рассудительность и широкую идейную терпимость. В эмиграции в 1921 году он возобновил издание журнала «Русская мысль», а в 1925-м встал во главе газеты «Возрождение», где проповедовал, что революция есть зло. В рецензии на поэму Александра Блока «Двенадцать» написал: «Отношение к революции есть частный случай отношения к греху и мерзости вообще». То есть осудил произведение, руководствуясь не литературными, но чисто идеологическими критериями. Первые годы на чужбине провел в состоянии морального потрясения, проклиная большевиков и их деятельность, пытаясь понять роковую историческую нелепость, приведшую к крушению Российской империи и дела всей его жизни. В статье «Размышления о русской революции», написанной им в 1921 году, звучит запоздалое раскаяние: «Мы слишком безоглядно критиковали и порочили перед иностранцами свою страну. Мы более чем недостаточно бережно относились к ее достоинству, ее историческому прошлому».

Отныне его труды были посвящены борьбе с большевиками за Великую Россию. Близкий друг Владимир Оболенский обратился к нему с такими строками:

Ты знаменит был

как марксист,

Философ и экономист,

Известен был как публицист,

Как эмигрант-освобожденец...

Я знаю, ты душою чист,

Но ты в политике младенец!

Слова, характеризующие автора знаменитого «Дневника политика», довольно правдивы и точны. Цикл статей под таким названием, созданный Струве в 1925–1935 годах, отражает одновременно его острый критический ум и несбывшиеся надежды. Он продолжал отстаивать теорию либерального консерватизма, сочетавшую па-

радоксальные черты исторической преемственности и нового духовного творчества. Призывал к сохранению традиционных ценностей, развитию свободы и личной ответственности, которую бы гарантировало сильное правовое государство. Струве верил в возрождение России, освобождение от власти большевиков, подобной мучительной болезни, искажившей исторический путь и подлинный облик страны. Большевизм ему виделся азиатским, черносопленным, варварским марксизмом, основным признаком которого была ненависть к сложным формам культуры. Главной целью своего труда мыслитель ставил духовную эволюцию, развитие культуры, социальных связей, формирующих общество на основе идеалов свободы и ответственности. Будучи министром в правительстве Петра Врангеля, даже попытался воплотить собственные идеи в Крыму. Это чрезвычайно раздражало Ленина.

В эмиграции Струве прослыл консерватором и даже монархистом, нашел подлинного себя, пройдя через все круги социально-политической жизни — от революционной демагогии к философии идеализма. В 1941-м он был арестован гестапо как соратник Ленина. Однако в библиотеке тюрьмы Граца обнаружилась книга, спасшая ему жизнь. Томик, посвященный истории коммунистической партии в России, содержал статьи вождя большевиков, который на нескольких страницах клеймил Петра Бернгардовича ренегатом, Иудой, доказывал его предательскую роль в отношении революции и Ленина лично.

Многие русские философы, такие как о. Георгий Флоровский, Франк или основатель евразийства Петр Савицкий, признавали ведущую роль Струве в их духовном становлении. Его статьи и общественная деятельность в десятилетие, предшествующее революциям, способ-

ствовали духовному пробуждению национальной интеллигенции.

Он вошел в историю отечественной культуры и русской философии как бесспорно выдающийся деятель, редактор ключевых дореволюционных и эмигрантских изданий, непримиримый борец с большевизмом, патриот, либерал и в то же время консерватор, человек, чуждый косности и сектантства, не боявшийся признавать собственные ошибки и качественно меняться.

А главной мечтой его жизни был нерушимый тандем свободы, избавленной от анархизма, и высокой культуры, основанной на смелом творческом дерзании.

А. И. П. СМОЛИНЫ. «СТАЙКА». 1964

Символ веры

Восточный подход Александра

Юлия Кудрина

Период правления императора Александра III незаслуженно обделен вниманием на протяжении вот уже целого столетия. Между тем Царь-Миротворец внес гигантский вклад в дело государственного строительства, экономического подъема, расцвет национального искусства и другие эволюционные преобразования русской жизни. Вся его деятельность была направлена на масштабное созидание и духовное становление. Какие бы то ни было революционные катаклизмы внутри страны в годы его царствования невозможно было себе даже представить. Многие его начинания обретают в наши дни, по сути, вторую жизнь. К примеру, Россия постепенно возвращает себе прежнее влияние на Ближнем Востоке. Не зря же Александр III придавал первостепенное значение созданной им Русской миссии на Святой земле.

УЖЕ на второй год после восшествия на престол Александр Александрович учреждает в Петербурге Православное Палестинское общество, гарантируя ему должную государственную поддержку. В 1889 году Общество получает название Императорского. Этой научной и благотворительной неправительственной организации отныне суждено стать уникальной в истории национальной культуры, отечественного востоковедения и русско-ближневосточных отношений.

Необходимость создания Палестинского общества Александр III понимал, как никто другой, — уже тогда он осознавал, что судьба не только Азии, но и всего европейского мира связана со Святой землей.

В качестве главной задачи ставилось укрепление позиций нашего государства и Русской церкви на Ближнем Востоке. После поражения в Крымской войне утратившая было контроль над Черным морем Россия сумела в конце XIX — начале XX века осуществить мощный церковно-политический прорыв в Иерусалиме.

Летопись нашего державного присутствия в ключевом регионе планеты начинается в середине XIX столетия. С 1847 года в Иерусалиме работала Русская духовная миссия, а с 1864-го, в Петербурге, при Азиатском департаменте МИД — Палестинская комиссия (1864–1889). Русское общество пароходства и торговли

*Вачальник Русской Миссии в Иерусалиме
архимандрит Антонин (Катушенко).
Худ. А. Кивченко*

**Монастырь Св. Марии Магдалины
на Масличной (Елеонской) горе**

ФОТО: СТАНИСЛАВ КРАСИЛЬНИКОВ/ТАСС

СИМВОЛ ВЕРЫ

исправно и регулярно доставляло паломников из Одессы в Яффу.

Зачинателями этого дела на Востоке были епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин), начальник Миссии в 1865–1894 годы.

Инициатива образования Общества принадлежала известному российскому палестиноведу, петербургскому госслужащему Василию Хитрово (1834–1903). После поездки на Ближний Восток он писал: «Только благодаря этим сотням и тысячам серых мужичков и простых баб, из года в год движущихся из Яффы в Иерусалим и обратно, точно по русской губернии, обязаны мы тому влиянию, которое имя русское имеет в Палестине; влиянию настолько сильному, что вы с русским языком пройдете по этой дороге, и вас не поймет разве только какой-нибудь пришлый бедуин. Отними-те это влияние — и православие заглохнет среди систематической католической и еще более сильной в последнее время протестантской пропаганды».

Решающую роль здесь сыграло совместное паломничество на Святую землю (в мае 1881-го) Александра III, великих князей Сергея и Павла Александровичей и их двоюродного брата Константина Константиновича.

Устав организации был высочайше утвержден 8 мая 1882 года (ст. ст.), а уже 21 мая на заседании во дворце великого князя Николая Николаевича (старшего), где присутствовали государь, его жена Мария Федоровна, многие члены императорской семьи, делегаты от русского и греческого духовенства, ученые и дипломаты, состоялось торжественное открытие Православного Палестинского общества. В состав его почетных членов вошли тринадцать представителей царской семьи во главе с им-

Русские паломники

ператором и императрицей, а также премьер-министр, министр иностранных дел и обер-прокурор Святейшего синода.

Первым председателем стал брат царя великий князь Сергей Александрович, который возглавлял Общество в течение 23 лет. Активное участие в его деятельности принимала великая княгиня Елизавета Федоровна.

Отделения организации, которые возглавляли правящие архиереи, вице-председатели, губернаторы или вице-губернаторы, действовали в 52 епархиях Русской православной церкви.

Духовный облик русского присутствия на Святой земле во многом определил архитектурный ансамбль, воздвигнутый Обществом на территории Иерусалима: Троицкий собор, здания Русской духовной миссии и консульства, Елизаветинское и Мариинское по-

дворья, русская больница. И, конечно, прекрасный храм Марии Магдалины на Елеонском склоне. Идея его сооружения — в память матери Александра III Марии Александровны — возникла во время пребывания великих князей Сергея и Павла Александровичей в Палестине и их встречи там с архимандритом Антонином (Капустинным).

Для строительства храма царская семья приобрела в Иерусалиме участок земли. Архитектором утвердили профессора института гражданских инженеров, академик Петербургской академии художеств Давида Гримма (1823–1898). Тот предложил проект в новорусском стиле, который особенно импонировал Александру III.

Зимой 1885-го состоялась закладка. Общее руководство строительными работами осуществлял архимандрит Антонин (Капустин).

На возведение церкви Святой Марии Магдалины император внес 100 000 рублей, четыре его брата Сергей, Павел, Владимир, Алексей — по 15 000, великая княгиня Мария Александровна и герцогиня Эдинбургская — по 5000.

В 1886 году русский консул в Иерусалиме сообщал государю:

Великий князь
Сергей Александрович

Великая княгиня
Елизавета
Федоровна

«На чудном месте воздвигается памятник, достойный царской семьи и славы России».

Храм с семью характерными «московскими» маковками и кокошниками удивительно гармонично вписался в окружающий ландшафт, став визитной карточкой нашей державы на Святой земле.

Иконостас выполнен из белого мрамора с темной бронзой. Иконы писал известный русский художник Василий Петрович Верещагин. Каждую из четырех стен украсили огромные фрески, отразившие основные эпизоды земной жизни спутницы и последовательницы Иисуса Христа. На южной стороне — «Исцеление Марии Магдалины Спасителем», на западной — «Магдалина у Креста Господня», на северной — «Явление Магдалине воскресшего Христа», на восточ-

ной, над алтарем, — «Проповедь Магдалины перед императором Тиберием». Автором фресок был Сергей Иванов, тогда еще молодой художник, а позже — знаменитый автор исторических полотен.

Творение Гримма император оценил очень высоко, зодчий получил должность ректора факультета архитектуры в Академии художеств.

Торжественное освящение храма, совершенное греческим патриархом, состоялось в октябре 1888-го. На этой церемонии присутствовали великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна и великий князь Павел Александрович.

В следующем году на землях Палестины начались крупные археологические раскопки, вызвавшие большой международный резонанс. В результате «русское место» получило в мире несколько иное обиходное название — «русские раскопки». Ранее здесь был заложен храм Александра Невского (освящен уже после смерти Александра III, в 1896-м). «Возможность присутствия русских ученых на Востоке, исследование ими подлинных христианских древностей, которые включали в себя как кам-

ни, здание, рукописи, так и живую литургическую традицию, дали огромный импульс русской церковной науке, позволили сделать ей настоящий прорыв», — писал об этом много позже профессор Ярослав Щапов.

Государство затрачивало немалые суммы на обслуживание русских паломников, выделяло средства на школы для арабских детей, создававшиеся в Палестине, Сирии и Ливане. Проводилась работа по христианскому просвещению арабов.

Суть крайне важной и многогранной деятельности государства Российского в этом, не чужом для нас регионе лаконично и весьма точно раскрыл наш современник, автор исследования «Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX — нач. XX в.» Николай Лисовой: «Иерусалим и Ближний Восток оказались тем самым плацдармом и историческим узлом, где политические интересы совпали — и совпадают — с церковными, научные — с практическими паломническими, духовные и бескорыстные — с хозяйственными, экономическими».

Троицкий собор -
Русской духовной
миссии

ФОТО: СЕРГЕЙ ФАДЕЙЧЕВ/ТАСС

Эпоха просвещения

Е. ЛАНСЕРЕ. «ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ», 1905

ФОТО: ДМИТРИЙ КОРОБЕЙНИКОВ/РИА НОВОСТИ

Русский Расин

Евгений Алдонин

У Вильгельма Кюхельбекера есть крылатые строки: «Горька судьба поэтов всех племен; тяжеле всех судьба казнит Россию». К образу Александра Сумарокова (1717–1777) эта горькая истина вполне применима. Ему довелось испытать немало мытарств при жизни, а посмертной славы, достойной его талантов, увы, не получилось. При том, что именно он был первым русским профессиональным литератором, всю жизнь посвятил изящной словесности и театру, во многих жанрах стал первопроходцем. Умер же в нищете, с клеймом безумца. Не пора ли восстановить справедливость, хотя бы по случаю трехсотлетия со дня рождения Александра Петровича, которое отмечается 25 ноября?

«О вы, которые стремитесь на Парнас...»

Родился он в знатной, пусть и небогатой семье. Его отцу доверял сам Петр Великий, а домашний учитель Саши, знаменитый Иван Зейкен, давал уроки и наследнику престола, будущему императору Петру Второму. Альма-матер поэта, Сухопутный шляхетский корпус, — самое престижное учебное заведение времен Анны Иоанновны. Там благодаря литературным талантам Александр впервые почувствовал себя властителем дум. Хотя публиковался редко —

ему виделось потакание низменным желаниям молодых карьеристов. Автор русского «Гамлета» будто лицезрел на троне доморощенных Клавдия и Гертруды.

Означенная пьеса на несколько эпох стала самой злободневной и фрондерской в империи. С принцем датским сравнивали и Павла Петровича, и Александра Павловича.

А ведь Сумароков когда-то возлагал на Екатерину лучшие надежды, еще в годы елизаветинского царствования издавал посвященный ей журнал «Трудолюбивая пчела», а в самом начале ее правления пылко приветствовал одами. Пожалуй, лучшая из них — «На день тезоименитства 1762 года ноября 24 дня» — звучит так:

*— Ликуй, Российская держава!
Мир, наше счастье внемли!
А ты, Екатерины слава,
Гласись вовек по всей земли!
Чего желать России боле?
Минерва на ея престоле,
Щедрота царствует над ней!*

Слог — легкий и одновременно торжественный, возвышенный, слова — неожиданные, но точные, а образы гораздо ближе к земной реальности, нежели патетические фантазии Ломоносова. И тем не менее Екатерина вначале предпочла изощренное косноязычие Василия Петрова, а позже — остроумие Гавриила Державина. Сумароковского благозвучия не оценила.

Мученик Мельпомены

Большие неприятности для него начались с театральных каверз. Поэта постепенно вытесняли с олимпа, не считаясь с тем, что первые трагедии, комедии, оперы — все это он, его перо, старания, любовь к сцене, еще первобытной, но уже многообещающей. Русские научились строить дворцы и фонтаны, разбивать сады не хуже, чем у французов. Разве нельзя в России создать лучший в Европе театр? Слово Сумарокова в елизаветинские времена было последней инстанцией в этой области, если не считать голос царицы. Но однажды ему пришлось удалиться из Петербурга, а значит, оставить руководство главной сценой империи.

В Москве же он рассорился с первой актрисой, а также с содержателем театра Бельмонти. Ставили новую трагедию Александра Петровича «Синав и Трувор». И вдруг Сумароков узнает, что Елизавета Ивановна, исполнительница главной роли, в день генеральной репетиции перебила. Автор гремел: убрать Иванову, запретить показ трагедии во что бы то ни стало. Драматург верил, антрепренер не посмеет взбрыкнуть супротив него, так как многим ему обязан — именно Сумароков выхлопотал для Бельмонти особую привилегию заниматься театральным делом. Но, как выяснилось, требования покровителя для

А. ЛОСЕНКО. «ПОРТРЕТ АКТЕРА ФЕДОРА ГРИГОРЬЕВИЧА ВОЛКОВА». 1763

ФОТО: Э. КОТЛАНРИА-НОВОСТИ

иноземца ничего не значили. Спектакль выпустили, и тот закономерно провалился. Сумароков полагал, что итальянец все продумал заранее, катастрофу подстроил, и разобиделся не только на господ артистов. Ему казалось, что вся Москва ополчилась на него. Он пожаловался на нерадивых театральных людишек московскому градоначальнику. А в этой должности (генерал-губернатора или, как говорили в то время, московского главнокомандующего) пребывал не кто-нибудь, а знаменитый фельдмаршал, победитель Фридриха Великого при Кунерсдорфе Петр Салтыков. Уж он-то, казалось бы, должен был уважить отца русского театра. В прежние лета таких недругов, как Бельмонти, Сумароков одним движением руки превращал в прах и тлен. Но Салтыков предстал в его глазах неумолимым бурбоном и селадоном. Актриса

Представление русской оперы при дворе императрицы Елизаветы Петровны. Гравюра XVIII в.

для него была важнее, он ей покровительствовал. Равнодушный ответ фельдмаршала Александр Петрович счел оскорбительным. Он решил пожаловаться на него императрице Екатерине. А той не было дела до проблем уже пожилого сочинителя, который в ту пору «был предан пьянству без всякой осторожности». Водка, по-видимому, обострила его мнительность и гневливость. «Всемиловнейшая государыня! Я знаю, сколько важными делами Ваше Императорское величество отягощены, и без нужды крайней я бы не осмелился высочайшую Вашу особу трудить. Мой разум перемешан, и я не знаю, как зачать и что писать; ибо кажется мне, что все мое красноречие нанесенной мне обиды ясно не изобразит...» — начал свою челобитную Сумароков.

Императрица ответила резко, хотя и подсластила отказ комплиментами: «Если же граф Салтыков заблагорассудил приказать играть, то уже надлежало без отговорок исполнить его волю. Вы более других, чаю, знаете, сколь много почтения достойны заслуженные славою и сединой покрытые мужия, и для того советую вам впредь не входить в подобные споры, чрез что сохраните спокойство духа для сочинения, и мне всегда приятнее будет видеть представление страстей в ваших драмах, нежели читать их в письмах. Впрочем, остаюсь к вам добросклонна».

Самое страшное, что ответ переслала и Салтыкову. Графу письмо польстило, и он принялся показывать его кому ни попадя. Сумароков превратился во всеобщее посмешище.

Считая себя столпом русской литературы, которой — Александр Петрович в это твердо верил — предстояло великое будущее, ровней Расину и Вольтеру, он был уверен, что монархи должны дорожить его расположением, как дорожили вниманием французского просветителя. Ему казалось, что именно

он, приветствовавший Екатерину сладковучными одами, создал ей репутацию просвещенной монархини. Холодность государыни ошарашивала, а в голове поэта сгущались черные тучи мнительности. Салтыков продолжал повсюду высмеивать назойливого драматурга, запутавшегося в актрисах и запоях.

Та самая Иванова написала Сумарокову покаянное письмо, объяснив «скарденую» игру в «Синаве» недомоганием. Но это было слабым утешением, недруги торжествовали. Тогда пиит обратился к русской Минерве (уж не он ли первым ее так назвал?) с двусмысленными строками:

— Лишенный муз, лишусь,
лишуся я и света.

— Екатерина, зри!
Проснись, Елизавета!

И сердце днесь мое
внемлите вместо слов!

Вы мне прибежище,
надежда и покров;

От гроба зрит одна,
другая зрит от трона:

От них и с небеси
мне будет оборона.

Обращаясь к Екатерине, вспоминал о поддержке со стороны почившей Елизаветы, а это воспринималось как утонченная дерзость. Кабинет-секретарь Григорий Козицкий преподнес царице записку о новой корреспонденции от стихотворца. На этой записке она начертала: «Сумароков без ума есть и будет».

«Слаба отрада мне, что слава не увянет...»

Издерганные нервы пытался успокоить вином, то есть тушил пожар керосином. Родственники отказались от «безумца». И дело было не только в его женитьбе на крепостной Вере Прохоровой — больно уж вспыльчивый характер оказался у нашего первого крупного литератора.

Не все влиятельные покровители закрыли перед ним двери. Разумовский не оставлял своего

бывшего сотрудника, время от времени ссужал ему немалые суммы. В такие дни Александр Петрович поил и кормил весь театральный люд, а потом снова погружался в безденежье. Он был неудержимо расточителен. Даже средства конного завода, подаренного все тем же Разумовским, ухитрился растранжирить. Современники отвернулись от недавнего любимца публики: в их глазах тот превратился в пьяницу и брызгу. И все же талант ему не изменял. Под старость лет Сумароков сочинял даже ярче прежнего и свою лучшую трагедию «Димитрий Самозванец» написал уже в закатные годы. Быть может, и хандра помогла творчеству. Строки, полные отчаяния, и сегодня невозможно читать равнодушно:

— Но если я Парнас российский
украшаю

И тщетно в жалобе
к Фортуне возглашаю,

Не лучше ль,
коль себя всегда в мученьи зреть,

Скорее умереть?
Слаба отрада мне,

что слава не увянет,
Которой никогда

тьень чувствовать не станет.
Какая нужда мне в уме,

Коль только сухари
таскаю я в суме?

На что писателя
отличного мне честь,

Коль нечего ни пить, ни есть?

После смерти жены он тяжело заболел, однако вскоре пошел под венец с племянницей покойной супруги. Прожить вместе им довелось лишь несколько месяцев. Денег в семье действительного статского советника не оказалось, на похороны скидывались московские актеры, с миром по нитке.

Поэты пушкинского круга считали его эпигоном Расина, но отдавали ему должное за преданность литературе. От Сумарокова многое осталось. Прежде всего — русский театр. И вереница строк, которые и по сей день как будто не потускнели.

Родное слово

ФОТО: МИХАИЛ ТРАХМАН/РИА НОВОСТИ

1960

Маршак Советского Союза

Валерий Бурт

В СССР Маршака знали все от мала до велика. Прежде всего как создателя стихов, песен, сказок и пьес для детей: «Усатый-полосатый», «Детки в клетке», «Кошкин дом», «Дом, который построил Джек», «Робин-Бобин» звучали в советскую эпоху, пожалуй, в каждой семье. К тому же он был тонким лириком, автором критических статей, знатоком британской литературы, блестящим переводчиком Уильяма Шекспира, Джона Китса, Роберта Бёрнса и других англоязычных поэтов. 3 ноября со дня рождения классика исполняется 130 лет.

Старик Толстой его заметил

Литературному дарованию требуется не только подходящая почва для расцвета, но и благоволение судьбы, которая бы защищала от ошибок, берегла от напастей, вела в нужном направлении. Маршаку определенно повезло. Кем мог стать худощавый еврейский юноша из провинциального Острогожска — мыловаром, как отец, зубным врачом, как дядя?

Самуил с малолетства пристрастился к литературе, начал сочинять стихи — под влиянием классного руководителя Владимира Теплых, высокого, стройного господина в накрахмаленной рубашке и фраке. В автобиографической повести «В начале жизни» Маршак вспоминал, что именно наставнику он и его однокашники были обязаны «тем, что по-настоящему почувствовали и полюбили живую, не книжную русскую речь».

Позже ему посчастливилось познакомиться с известным на всю Россию критиком и искусствоведом Владимиром Стасовым. Тот позвал юного поэта в гости, в свою петербургскую квартиру. Самуил, робея, читал собственные рифмованные сочинения, а седобородый, благообразный старик с упоением слушал, узнав в малорослом гимназисте незаурядный талант.

Однажды Владимир Васильевич повел его в петербургское ателье Карла Буллы, и известный фотограф запечатлел молодого человека в белой гимназической блузе.

Через несколько дней они зашли за снимками. Одно фото Самуил взял себе, другое критик положил в бумажник и спрятал во внутренний карман сюртука.

По возвращении в Острогожск Маршак получил важное письмо от маститого знакомого: в давешней беседе с Львом Толстым Стасов упомянул о том, что «встретил какого-то нового человечка, светящегося червячка, который... кажется как будто бы обещающим что-то хорошее, чистое, светлое и творческое впереди. Он слушал — но с великим недоверием, как я вперед ожидал и как оно и должно быть. Он мне сказал потом,

с чудесным выражением своих глубоких глаз и своею мощною, но доброю улыбкою: «Ах, эти мне Wunderkinder!» Сколько я их встречал и сколько раз обманывался! Так они часто летают праздными и ненужными ракетами!.. Пускай наперед вырастут и окрепнут, и докажут, что они не пустой фейерверк!..»

Владимир Васильевич показал Льву Николаевичу фото, чтобы классик мысленно благословил литератора. «И он сделал, как я просил, и долго-долго смотрел на молодое, начинающее жить лицо ребенка-юноши», — сообщалось в письме.

Благодаря Стасову, Маршак смог переехать в столицу, познакомился со знаменитостями — Репиным, Римским-Корсаковым, Мусоргским, Шаляпиным, Горьким. «Буревестник», узнав о слабом здоровье начинающего коллеги, позвал в Ялту. Там на даче писателя Самуил занимался творчеством. Отныне вдохновение его не покидало.

В 1922 году свел знакомство с Корнеем Чуковским. Их некоторая схожесть уже тогда представлялась очевидной. Оба — детские писатели (впрочем, один уже популярный, другой только приобретающий известность), переводчики. И тот, и другой побывали в Англии, чему-то там учились, восхищались литературой этой страны.

«После первых же встреч всей душой прилепился к Маршаку, — вспоминал Чуковский, — и в ленинградские белые ночи — это было в самом начале двадцатых годов — мы стали часто бродить по пустынному городу, не замечая пути, и зачитывали друг друга стихами Шевченко, Некрасова, Роберта Браунинга, Киплинга, Китса, и жалели остальное человечество, что оно спит и не знает, какая в мире существует красота».

А входил в обойму кто?

До войны Самуил Яковлевич трудился в ленинградском отделении «Детгиза». Собирал вокруг себя таланты. В издательстве выходили книги Бориса Житкова, Виталия Бианки, Евгения Шварца, Даниила Хармса, Александра Введенского, Леонида Пантелеева, ставшие впоследствии детской классикой.

В 30-х среди литераторов начались репрессии. Арестовали Николая Олейникова, его тезку Заболоцкого, Тамару Габбе... Тень зловещей угрозы пала и на Маршака, во всяком случае, так говорили. В подобной ситуации внешне рыхлый, близорукий интеллигент, казалось бы, должен был демонстрировать робость, покорность судьбе. Ничуть! Писатель Валентин Берестов свидетельствовал: поэт осмелился повысить голос на самого генерального прокурора Вышинского, защищая коллег. А тот отбивался: «Не кричите на меня, товарищ Маршак! Да вы понимаете, где и на кого кричите?!»

В конце сороковых, когда началась борьба с «космополитами», на него, похоже, готовили компромат. Даже недобрая эпиграмма в прессе появилась:

А входил в обойму кто?

Лев Кассиль, Маршак, Барто.

Шел в издательстве косяк:

А. Барто, Кассиль, Маршак.

Создавали этот стиль —

С. Маршак, Барто, Кассиль.

Вроде бы собирались арестовать. Но потом...

и его собирались судить за тунеядство, Самуил Яковлевич выступил в защиту: «Бродский — талантливый поэт, умелый и трудолюбивый переводчик. Мы просим суд учесть наше мнение об одаренности и работе этого молодого человека». Кроме подписи Маршака, на ходатайстве стоял автограф его приятеля Чуковского. Однако к мнению заслуженных ветеранов отечественной литературы не прислушались.

Талант и поклонники

Маршака можно назвать и «неожиданным поэтом». Например, он переводил с китайского на русский Мао Цзэдуна. Если судить по книжке, выпущенной в «Библиотеке «Огонька» в 1957 году, то сочинял великий кормчий недурно. Хотя наверняка ему здорово «помог» Самуил Яковлевич, один из переводчиков сборника «18 стихотворений». Вот образец его труда:

В день осенний, холодный

Я стою над рекой многоводной,

Над текущим на север Сянцзяном.

По одной из легенд, Сталину дали на подпись расстрельный список, в котором значилась фамилия Маршака. Вождь удивился: «Зачем стрелять? Хороший детский писатель». И из одного списка перенес имя фигуранта в другой — лауреатов Сталинских премий.

Он, кстати, четыре раза получал эту награду. Воспел ли в стихах «отца народов»?

Не без того:

— И вдруг опять в огромном светлом зале,

Порывом окрыленные одним,

Все поднялись. Вошел товарищ Сталин,

И Молотов и Ворошилов с ним.

А еще Маршак перевел с украинского стихотворение Павло Тычины:

Ты расти ленок повыше

Подымайся с каждым днем

На холсте портрет мы вышьем,

Вышьем — Сталину пошлем!

Звонили из Кремля, наркомата, «Правды» и просили вежливо, но настойчиво: «Товарищ Маршак, надо...» А то, что не был трусом, подтверждает еще один факт. В 60-е, когда на Иосифа Бродского ополчилась власть

*Вижу горы и рощи в наряде багряном,
Изумрудные воды прозрачной реки,
По которой рыбацьи снуют челноки...*

Всем знаком плакат художницы Нины Ватолиной «Не болтай!», на котором изображена женщина в красной косынке, приложившая палец к губам. Текст же написал Маршак: «Будь начеку! В такие дни подслушивают стены. Недалеко от болтовни и сплетни до измены».

...В кабинете поэта — в доме на улице Чкалова (ныне Земляной Вал) он жил еще с довоенной поры — перманентно висела сизая дымка: хозяин почти не выпускал изо рта папиросы, хотя хворал часто и тяжело. Стол был завален рукописями, черновиками, корректурами; и книгами, своими и чужими, прочитанными и теми, с которыми еще не ознакомился.

Беспрестанно кто-то приходил — просто в гости или с нижней просьбой что-то посмотреть, оценить. То и дело трещал телефон. Маршак, с вскинутыми на лоб очками, хватал трубку: «Алло! Да, дорогой (или «голубчик»), я слушаю!...» Звонившие тоже о чем-то просили, куда-то звали.

Многие недоумевали: когда же он успевает работать? В ответ отшучивался: «Бессонница выручает!» И показывал свои новые сочинения. Их могло быть значительно больше, если бы не каждодневная суэта, бесконечные околотературные дела.

Маршак чем-то напоминал героя стихотворения Саши Черного, чей персонаж стонет от безысходной тоски: «Какие-то люди звонили. / Какие-то люди входили. / Боясь, что кого-нибудь плюхну, / Я бегал тихонько на кухню / И плакал за вьюшкой грязной / Над жизнью своей безобразной».

Кстати, с Черным они были когда-то знакомы — заглядывали в трактиры, стучали стаканами, читали друг другу стихи.

Наверное, Самуил Яковлевич хотел бы запереть двери, отключить телефон и предаться творчеству, снова ловить музыку рифм, «говорить» со своими друзьями — Шекспиром, Киплингом, Бёрнсом, Блейком. Однако изменить ситуацию было невозможно, он не принадлежал себе, оказался запряжен в огромную телегу советской литературы, где был то ли пристяжным, то ли коренным.

Порой (а возможно, часто) писал не то, чего требовала душа, а то, на что ориентировало литературное начальство. Ибо таковое было даже у него, Маршака Советского Союза, как называли его Сергей Михалков и Михаил Светлов. Последний даже сочинил на сей счет эпиграмму: «Труднейших множество дорог, / Где заблудиться может муза, / Но все распутья превозмог Маршак Советского Союза».

К нему часто приводили детей. Те читали собственные стихотворения, а старик определял, выйдет ли из начинающего сочинителя толк. У Маршака не доставало времени, он нервничал, сердился, но не отказывался, видимо, помня, как ласков и обходителен был с ним, мальчишкой, великий Стасов.

Самуил Яковлевич, как правило, хвалил дебютантов, в чьих строках обнаруживал лишь искорки способностей. И давал понять, что ждет большего. Однажды произнес: «Человек должен быть уверенным, как держава. Никто не назначит вам цены. Только вы сами. Все зависит от вас».

Но даже если кто-то не становился поэтом, он помнил завет Маршака:

*Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет.
Пусть добрым будет ум у вас,
А сердце умным будет.*

Случалось, все же находил таланты. К примеру, однажды возникли неполадки с телефоном и пришлось вызвать мастера. Тот оказался веселым, общительным, ремонтируя аппарат, беседовал с хозяином. Разговор зашел о поэзии, и тут выяснилось, что рабочий хорошо знает творчество уважаемого визави. Да и сам сочиняет. «Прочитайте!» —

потребовал Маршак голосом старателя, напавшего на золотую жилу.

Стихи ему очень понравились. Так, случайно, он открыл Георгия Ладонщикова, который через несколько лет стал известным детским поэтом.

Александр Твардовский говорил, что Маршак был живым хранителем эталонной русской речи, мог написать простенькое стихотворение:

*Любит летчик самолет,
Пулеметчик — пулемет,
Как стекло, светло и чисто
Блещет мастера станок.
А мог — и нечто посложнее:
Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, прищипорить,
Чтобы слышать, как оно идет.*

Пригодные слова

Как-то раз критик Зиновий Паперный, придя к Самуилу Яковлевичу, увидел, что тот занимается правкой своих, уже опубликованных стихов. На удивленный вопрос: «Зачем? Ведь газета уже вышла», автор ответил: «Все равно. Не нравится мне. Хочу переделать. Не могу видеть, как это написано».

Он не просто переживал, обнаружив в своих стихах ошибку или опечатку, — страдал от искаженной рифмы, как от физической боли. Созданное им было его сутью, частью его самого.

Будучи безмерно требовательным к себе, работал неистово, невзирая на настроение, усталость, возраст, обступившие болезни. В редкие минуты, нет, не отдыха — передышки, о многом сожалел. Например, о том, что не удалось сделать совместно с Уолтом Диснеем экранизацию пьесы «Двенадцать месяцев». Знаменитый мультипликатор предложил сотрудничество, но письмо из Америки то ли затерялось, то ли оказалось кем-то на время припрятанным. Маршак узнал о нем слишком поздно.

Он часто смотрел на себя в некое творческое зеркало — так ли написал, то ли? Делился с читателями таинством стихосложения, иногда — иронично, глядя на мир проницательным взором:

*Свои стихи, как зелье,
В котле я не варил
И не впадал в похмелье
От собственных чернил.
Но четко и толково
Раскладывал слова,
Как для костра большого
Пригодные дрова.*

Чем не кредо для выдающегося писателя и просто хорошего человека?

Д. Балашов. 1998

Хранитель времени

Андрей Самохин

Некогда романы Дмитрия Балашова стояли на полках в каждом доме, где проживала русская-советская интеллигенция, — рядом с томиками Карамзина и Соловьева, прозой Распутина, Белова, Абрамова, альбомами и открытками с видами церквей, репродукциями икон Андрея Рублева. Он входил в круг патриотов-почвенников, объединившихся вокруг журнала «Молодая гвардия», стал одним из создателей знаменитого ВООПИиКа, а позже — Фонда славянской письменности и культуры. За исторической беллетристикой не затерялись работы профессионального фольклориста и острого публициста, со дня рождения которого 7 ноября исполняется 90 лет.

ЭКСТРАОРДИНАРНЫМИ случаями, экстремальными моментами жизнь Балашова была наполнена сверх меры. Уже в зрелом возрасте он увлекся трудами Льва Гумилева с его «пассионарностью», и это ничуть не удивляет — сам был таков. По свидетельству близко знавших Дмитрия Михайловича людей, писатель постоянно попадал в переделки-передряги. И ножом получал в спину, и топором в драке по голове, и с обрыва в реку в машине падал, и в своей избе на Онеге горел.

История происхождения его имени и фамилии также весьма нетривиальна. В свидетельстве о рождении он звался Эдвардом Михайловичем Гипси. Кроме отчества, остальное — придумка отца, Михаила Кузнецова, поэта и актера, избравшего творческий псевдоним не только себе, но и сыновьям. Родитель будущего литератора издал один стихотворный сборник и сыграл эпизодическую роль в фильме «Чапаев», а умер в начале ленинградской блокады. Пережив страшную зиму в городе на Неве и оказавшись в 1942-м с матерью в эвакуации на Алтае, Эдвард с младшим братом Генриком решили сменить экзотические имена на Дмитрия и Григория. Поменяли и странную фамилию. Однако почему-то не вернулись к наследственной, а выбрали понравившуюся... по телефонной книге.

После войны Дмитрий Балашов поступил в Ленинградский театральный институт им. А. Островского, но в итоге выбрал иную стезю. Сперва педагогическую, поработав преподавателем истории искусства в Вологодской и Новгородской культпросветшколах, затем филологическую. Потрудился и лаборантом в школе, и рабочим в парке, художником-оформителем и руководителем в театральном кружке. В экспедициях по Русскому Северу и Уралу изучал местные обычаи и фольклор. Выпустил несколько академических сборников: «Народные баллады», «Сказки Терского берега Белого моря», «Как собирать фольклор», фундаментальное исследование «Русская свадьба». Окончил аспирантуру в Институте русской литературы. Преподавал в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в Петрозаводске. Защитил кандидатскую диссертацию.

— Прежде беллетристики Дмитрий стал известен мне и многим другим замечательными трудами по фольклору, житиям святых. Далее — острыми статьями, сразу же вписавшими его имя в патриотический лагерь, — делится воспоминаниями писатель Владимир Крупин. — Он выступал против уничтожения сохранившихся на Севере деревянных церквей, а позже — против поворота северных рек, ратовал за возрождение ремесел, традиционного крестьянского хозяйства.

Его очерки 1960-х «Современность вековечного», «С чужого плеча — себе дорожке», «Урал мастеровой» ложились в русло возвращения к национальным истокам, опаматования, которое несли в своем творчестве «деревенщики». Одновременно с этим, начиная с «Господина Великого Новгорода», опубликованного в журнале «Молодая гвардия» в 1967 году, пошли один за другим исторические романы Балашова. И сразу же поразили читающую публику глубиной проникновения в древние времена — не только знанием материала, достоверными деталями, но и философской мудростью, лиризмом.

Очень ярко определил балашовский дар исторического тайновидца Владимир Личутин: «Он как-то

Д. Балашов, В. Белов и В. Крупин

Дом Д. Балашова в деревне Козынево под Великим Новгородом

ФОТО: ВЛАДИМИР МАЛЫГИН/ТАСС

вдруг и с не познанной нами легкостью вошел в давно истекшее время, как вернулся бы странник в покинутый отчий дом: осмотрелся у порога, одним долгим грустным взглядом охватив всю избу, а пройдя затем в красный угол, обмахнул с лавицы сиротскую пыль, уселся плотнее и принялся изучать неспешным взором все имение, уже привыкнув к нему и вновь признавая за свое, вечное».

Широкую известность Балашову принес роман «Марфа-посадница» (1972) — про судьбу неудавшегося отпадения Новгорода от великокняжеской Москвы, а следом — главный труд-подвиг писателя, многотомный цикл «Государи Московские». Начинаясь он «Младшим сыном» (1975) — о создании Московского княжества отпрыском Александра Невского князем Даниилом, а завершился недописанным произведением под названием «Юрий» (2000) — о драматической борьбе за московский престол во времена Василия II. Заметным достижением стало «троекнижие» «Святая Русь» (1991–1997) — о годах княжения Дмитрия Донского, Куликовской битве, преподобном Сергии Радонежском, сожжении Москвы Тохтамышем. За «Государей Московских» Ба-

лашова наградили Большой литературной премией Союза писателей России.

Кроме того, Дмитрий Михайлович умудрился написать два историко-литературных сочинения, основанных на зарубежных событиях, — повесть «Деметрий из Херсонеса» и роман «Бальтазар Косса».

Русский литературный мир знал немало авторов, специализировавшихся на исторических темах. Однако до Балашова, пожалуй, не было писателя, который бы создал столько на древнерусском материале и с такой глубиной философского осмысления национального бытия.

На страницах его романов, как живые, встают десятки известных по летописям и реконструкциям персонажей. Их образы иногда вызывают разночтения. Вот деятельная, благородная защитница древних вольностей Новгорода и в то же время сепаратистка, с точки зрения нарождающегося единого государства, Марфа Борецкая. А вот трагические и неоднозначные фигуры князей Симеона Гордого и Василия Темного; мало-симпатичный Иван Калита, начавший, однако, новое собрание Руси; сильный духом, но обреченный на политическое поражение тверской князь Михаил Ярославич...

Время русской власти и ее высокий смысл, миссия правителя и долг подданных, моральные качества князя, боярина, смерда и значение соборной воли народа, роль личности и участие

Божественного Провидения — все эти сложные соотношения, онтологические пропорции возникают в диалогах подлинных и выдуманных исторических персонажей. Им сразу же веришь, сопереживаешь, а после стараешься многое додумать, прочувствовать вместе с автором.

Собственный взгляд писателя на события и героев проявлялся чаще всего исподволь, но иногда довольно ясно и даже страстно, как было свойственно его натуре. Например, симпатии к новгородцам при явно прохладном отношении к московским «узурпаторам» в первых его романах. За это Дмитрия Михайловича мягко журили соратники-«почвенники». О дефиците «объективности и мудрого историзма» в «Марфе-посаднице» писал Сергей Семанов. Александр Казинцев в «Нашем современнике» указывал на этический парадокс: преступления, которые в произведениях Балашова православные люди совершают для высших государственных целей, трактуются им как их личные подвиги мученичества. Упрекали его и в сочувствии к новгородским еретикам той эпохи.

И все же в «Государях Московских» видение писателя становится все более классическим, державно-православным — несмотря на нешуточное увлечение теорией Льва Гумилева, учеником которого он себя считал.

«У меня была цель, — признавался в одном из интервью Балашов, — так

как исторические труды читают единицы, я решил в романах вернуть русскому народу его историю».

Сравнивая эти книги с романами Валентина Пикуля, читатели порой находят, что вторые легче, ближе к развлекательной литературе. Но тут же задается вопросом: а можно ли считать такого рода прозу вполне подходящей для постижения родной истории? Мнения на сей счет высказываются разные. Например, Владимир Крупин полагает, что нельзя, историков-классиков подобное чтение не заменит:

— Я называю это «фантастикой наоборот». Спросил как-то Дмитрий: «Ну откуда ты знаешь, что князь говорил митрополиту, ты за ним с магнитофоном бегал?»

Однако собратья по перу и даже крупные историки, археологи, литературоведы, такие, как Валентин Янин и Дмитрий Лихачев, тепло отзывались о романах Балашова. Неизбежная в подобных сочинениях фантазия художника не смущала профессионалов. Ведь она базировалась на превосходном знании материала. А помимо того, была талантлива.

— Балашов был очень ярким человеком, — свидетельствует Крупин, — даже внешне: цыганские смазные сапоги, косоворотка с красным кушаком... Когда мы вместе оказались в Венеции, за ним зеваки бежали стаями, такого персонажа там еще не видали. Кричит на всю улицу: «Мне надо видеть мост Риальто!» А я ему: «Одного тебя не отпускаю». Пришли на мост, он огляделся и говорит: «Да, все так и было». Немножко позер, актер — гены сказывались. Спорили как-то за полночь в писательской компании, как водится, о судьбах России. Вышли из дома под утро, попрощались, и вот Дмитрий, уже перейдя улицу, вопит мне оттуда: «Володя, ненавижу Петра!»... Но при этом всегда был аккуратен, подтянут, никогда не видел, чтобы он выпил лишку. Что-то офицерское в нем сквозило, хотя и не служил ни дня...

В постсоветскую эпоху публицистика Балашова стала особенно резкой и бескомпромиссной. С болью

писал о попрании национального достоинства народа и державных традиций, о политиках-предателях и презренных компрадорах. Его развернутая программа спасения государства «Заметки на полях истории» вышла в «Нашем современнике» уже после трагической гибели писателя.

О нем часто вспоминают в Новгороде. В этом городе Дмитрий Михайлович жил с 1984 года, а в 1997-м стал почетным гражданином. Интересно, что там же он, 57-летний, в первый и последний раз снялся в кино — в героической роли второго плана. Играл художника Реброва в фильме «Господин Великий Новгород», рассказавшем о подпольщиках времен фашистской оккупации.

Увековечить память писателя новгородцы решили после его смерти: повесили мемориальную табличку на доме по улице Славной, присвоили имя Дмитрия Михайловича Центральной городской библиотеке, где с 2002-го регулярно проводятся Юношеские Балашовские чтения; в 2008-м открыли посвященный ему музей; в июне этого года в новом городском сквере установили бюст.

— Для него, в отличие от всех нас, история была живой, — подчеркивает Крупин. — Одно то, что он сумел увлечь и, надеюсь, еще долго будет увлекать соотечественников нашим славным прошлым, снискало ему благодарность потомков...

В романе «Великий стол» Балашов оставил своего рода завет, по накалу и страстности сравнимый с проповедью: «От нас, живых, зависит судьба наших детей и нашего племени, от нас и наших решений. Да не скажем никогда, что история идет по путям, ей одной ведомым! История — это наша жизнь, и делаем ее мы. Все скопом, соборно. Всем народом творим, и каждый в особину тоже, всею жизнью своею, постоянно и незаметно. Но бывает также у каждого и свой час выбора пути, от коего потом будут зависеть и его судьба малая, и большая судьба России. Не пропустите час тот!»

С. ЕФОШКИН. «КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ ИВАН КАЛИТА»

A portrait of Nikolai Irin, a middle-aged man with short dark hair, wearing a dark red turtleneck sweater. He is sitting in a wooden chair, looking directly at the camera with a serious expression. His hands are clasped in his lap. The background is a plain, light-colored wall.

Стоп-кадр

Хороший мужик и орел

Николай Ирин

Миссия Михаила Ульянова в национальном искусстве состояла в том, чтобы быть одним из скрепляющих элементов, смыслообразующим началом на поприще высокохудожественного лицедейства. Достаточно посмотреть несколько знаковых работ актера вперемежку с менее значимыми, дабы получить хорошую инъекцию уверенности в себе. 20 ноября будет отмечаться 90-летие со дня рождения блистательного артиста.

ОН ВСЕГДА играет мужчин, рискующих принимать сложные решения, совершить Поступок. Это его фирменная тема и главный мотив. Персонажи Ульянова говорят «нет» невротизму, паническому бегству от реальности в царство грез, суетному перебору выгодных вариантов, не расплескивают психическое содержание вовне, целеустремленно управляют процессом мышления внутри себя. Непоказное достоинство вкупе с мужественным напряжением зрителя завораживает и вооружает.

Ульянов удивительно хорош, когда ему предоставляется зона молчания: метод актера предстает во всей красе, видна внутренняя работа, от результата коей, кажется, зависит судьба мироздания. Ставки высоки, и это не столько даже социальный результат или личная реализация, сколько проявление метафизической борьбы. Хаос напалзает на ульяновского героя, вынуждает пугаться, требует капитулировать, однако наталкивается на героическое сопротивление, непреклонную человеческую волю.

Тут же невольно вспоминается один популярный в новейшие времена автор (то ли мистификатор, то ли визионер) с его загадочным учителем жизни доном Хуаном: «Быть воином — это самый эффективный способ жить. Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и колебания. Впереди — еще миллионы решений, каждое из которых ждет своего часа. Это — путь воина».

Ульянову регулярно поручали играть Маршала Победы. Надо было раз и навсегда персонифицировать страшную битву и грандиозный успех, чтобы коллективное сознание народа получило универсальный образ безупречного воителя.

В реальной исторической обстановке Жуков был не единственным, но одним из крупнейших наших военачальников, аналитиков, стратегов, вдохновителей. Ульянов будто бы помножил их достоинства, коллективную волю и выдал титана, который держит армию и страну индивидуальным усилием, и эта богатырская деятельность ни на секунду не прекращается долгие четыре года. «Воин принимает ответственность за все свои действия, даже за самые пустяковые. Обычный человек занят своими мыслями и никогда не принимает ответственности за то, что он делает», — Жуков, каким он видится в исполнении Ульянова, несравненно больше своего прототипа, универсальнее.

Тему долга, ответственности и решительности он воплощает даже там, где играет лирику. Возьмем длинную и немногословную сцену из «Простой истории», которая предшествует обращенной к его герою почти издевательской реплике от Нонны Мордюковой: «Хороший ты мужик, Андрей Егорыч! Но не орел». У ее героини по имени Саня своя правда, женская. Именно с этой правдой, похихатывая над «хорошим мужиком», вроде бы солидаризируется зритель. Но как же тонко, с каким пониманием сверхзадачи отыгрывает свое молчание артист, насколько филигранно интонирует, отвечая на «прощайте» темпераментной женщины: «Прощай, Саша».

Та легко считывает в его тоне раз и навсегда принятое решение уехать, после чего и бросает свое мстительное «не орел». «Когда человек выбирает путь воина, он становится полностью бодрствующим, в полной мере осознавая, что обычная жизнь навсегда оставле-

«Дом, в котором я жив». 1957

«Простая история». 1960

«Освобождение». 1970

«Бег». 1971

ФОТО: ИТАР-ТАСС/КИНОСТУДИЯ ИМ. ГОРЬКОГО

на позади» — про персонажей Ульянова лучше не скажешь: полностью бодрствующие. Процесс принятия трудных решений во имя задач, не всегда понятных окружающим, не прерывается у его героев никогда.

Даже в образе социально униженного генерала Чарноты из «Бега» он ни на мгновение не приостанавливает трансляцию внутреннего бодрствования. Вояка отставлен, но выходит из игры под названием «жизнь» не собирается — ни малейшей паники, никакой сдачи, все так же пьет, играет, разглагольствует, лицедействует и буянит. И всякий раз актер умудряется преподнести взбрык (зачастую алогичный) в качестве продукта сознательного и ответственного выбора. Тут ему есть где развернуться в плане эксцентрики: Михаил Александрович — образцовый выученик Вахтанговской школы.

Да-да, он умеет и так — весело, гротескно, изобретательно, как угодно. Михаил Ульянов — артист увлекающийся, воодушевленный нестандартной задачей. «А ты азартен, Парамоша!» — настолько внятно и осознанно обращается к персонажу Евгения Евстигнеева, что становится ясно: это — о себе самом. Себе удивляется, себя ритмически организует, настраивая на виртуозное сумасшествие, на каскад психологических, физиогномических и пластических трюков.

В фильме «Без свидетелей» Никиты Михалкова он демонстрирует нечто совсем уже вызывающее, гротескного монстра, словно в противовес своим же социально ответственным персонажам. Впрочем, можно воспринимать этого героя как сгусток вытесненных прежде — в угоду цензуре — негативных, но вполне типичных для человека свойств. Исполняя роль циничного драматурга Есенина в «Теме» Глеба Панфилова, артист точно так же шел на обострение, выворачивал натуру наизнанку. В театре имени Вахтангова, где он прослужил всю жизнь, подобных ролей было предостаточно, чего стоит один только Ричард III.

Ульянов являет собой редкий тип актера-исследователя. Ему интересны бездны и пропасти человеческой души, но не меньше он озабочен тем, чтобы познать свой исполнительский диапазон. Сыграл Дмитрия Карамазова в экранизации Ивана Пырьева и остался крайне недоволен собственной работой, которую тем не менее критика оценила высоко. «По мере движения своей драмы, — отмечал критик Александр Свободин, — герой Ульянова становится все более притягательным. Его инфантильность оборачивается наивностью в высоком смысле — жадной доверия. Если человек откроет вам сердце и в сердце этом чистота, то как же вы, люди, можете не верить ему! Это так странно, так поразительно, так бесчеловечно, что, право же, можно перестать понимать все окружающее. Вот что играет Ульянов».

Совместно с Кириллом Лавровым он завершил трехсерийную ленту после смерти Пырьева, снискал

ФОТОГРАФИИ: РИА НОВОСТИ

«Битва в пути». 1961

ФОТО: И. АКСЕНОВ/РИА НОВОСТИ

«Председатель». 1964

«На пути к Ленину». 1970

«Последний побег». 1981

зрительские похвалы, однако в самых жестких выражениях охарактеризовал свои недюжинные усилия. Здесь нет ни кокетства, ни самоедства, актер страстно интересуется технологией создания образа, его завораживает процесс превращения литературного текста в сценическое таинство или экранное жизнеподобие. Та же безупречность Воина помогала добиваться безусловных триумфов в «Председателе», «Освобождении», заставляя анализировать труд и свой, и коллег.

Ему не раз приходилось играть в театре и кино Ленина. Любопытно, что он категорически не принимал манеру Бориса Щукина, исполнившего роль пролетарского вождя в классической дилогии Михаила Ромма, полагал, что Борис Васильевич изобразил «блаженного мужичка». Станиславский придавал актерскому воображению особое значение. Ульянов в этом смысле один из лучших его последователей. Даже не вполне удачные, на чей-то вкус, эпизоды с участием Михаила Александровича радикально отличаются от неудач иных крупных мастеров. Всегда ощущаешь его кураж, отвагу, стремление прорваться от канонизированного содержания к чему-то новому и невиданному. Он бешено фантазирует даже тогда, когда показывает персонажа в режиме внешнего спокойствия.

В начале 80-х Юлий Райзман снимает Ульянова в «Частной жизни», где актер предстает в образе внезапно вытолкнутого на пенсию крупного советского промышленника, еще недавно директора серьезного производства. «Я не знаю, как жить», — исповедуется Сергей Никитич Абрикосов, и Ульянов ищет для хорошо знакомого ему социального типа свежие краски, ритмы, мотивы в этой быстро меняющейся реальности. Фильм получил все возможные премии в СССР, серьезные награды на Венецианском фестивале.

Ульянов удостоился приза за лучшую мужскую роль. Выяснилось, что негромкая история про активного, сильного человека, внезапно оказавшегося не у дел, универсальна.

«Товарищ Абрикосов, не задавать вопросов!» — смеется над пенсионером бывший коллега, но тот снова и снова их задает, придумывая своему герою легкий интонационный сдвиг или виртуозно отыгрывая фирменную «зону молчания». Абрикосов лишился социальной значимости. Что осталось, кому он по-настоящему нужен? Ульянов словно рефлектирует по поводу собственного канонического персонажа, благо Райзман с готовностью потворствует исполнителю. «Конечно, у него имелось заранее принятое решение, но он выслушивал иную точку зрения, легко соглашался: «Попробуйте!» — так был свободен и так доверял актеру», — рассказывал Михаил Александрович впоследствии.

Георгий Товстоногов еще в 1971-м в программной статье «Поговорим о перевоплощении» выделил трех артистов нового типа и метко описал присущую им «качественно более совершенную манеру актерской игры»: «Стоит обратить внимание на то, что лучшие современные актеры почти не меняют своей внешности. Вы всегда сразу узнаете Е. Евстигнеева, О. Ефремова, М. Ульянова. Однако почти всякий раз вы встретите новый характер, новый образ. Создается он за счет иного способа мышления, иного темпоритма, иной природы чувств. Эти актеры великолепно чувствуют «условия игры», жанр спектакля. Естественно, что личное начало в таком случае ощутимее, яснее в искусстве актера. Неузнаваемость актера в спектакле, которая ценилась столь высоко еще в недавние времена, сильно упала в цене».

«Не уважаю храбрость взаим», — говорит герой Ульянова в

«Председателе», имея в виду выпивку, однако эти слова удачно характеризуют творческий метод и жизненную позицию артиста в целом. Чаще играл риск, преодоление и ответственное служение, реже, но столь же ярко — теневую сторону человеческой природы, стараясь обнаружить, но не оправдать мотивы подлости, цинизма. И всегда в основе — личное усилие, индивидуальное опасное путешествие.

В производственной картине Владимира Басова «Битва в пути» он сыграл, возможно, первого своего «человека напряженного служения». Тот приезжает на большой завод и не может принять существующий там порядок вещей. «Митенька, — уговаривает испуганная его несговорчивостью жена, — но ведь работал же до тебя другой главный инженер, ничего не переворачивал, охотился, за реку на лыжах ходил, и все его хвалили».

Сегодня пресловутый принцип реальности возобладал, и отказ от простого мещанского счастья будет, пожалуй, приравнен к сумасшествию. Охотиться, мчаться на лыжах и снегоходах, плавать в яхтах, на худой конец, на круизных теплоходах — утвердившаяся, пусть и недостижимая для многих, социальная норма. «Нравиться всем» — самое надежное средство заработать.

И все же надо понимать: страна, такая, какая она есть, местами сытая и довольная, поднята из руин послевоенных лихолетий, обустроена персонажами Ульянова. Его герой из картины «Они были первыми» отвечал на вопрос руководителя-большевика «Куда же Вас направить, Алеша?», не задумываясь: «Куда нужнее». С этих слов начинается кинокарьера Михаила Александровича. Реплика задает как базовую тему, так и вектор его творческого развития.

А равно — нравственный ориентир, который в огромной и претендующей на очень многое стране всегда актуален.

Трапезная

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

Лучшее творенье — на зиму варенье

Максим Сырников

Есть в нашем быту замечательная традиция — варить варенье. С поры первых летних ягод начинаются приятные хлопоты: подготавливаем стеклянные банки, достаем из кладовок луженые тазы, делаем сиропы из белого сахара. Для варенья подойдет любая летняя ягода: лесная земляника, черника, малина, смородина, крыжовник, ближе к осени — брусника и клюква. Садовые разнообразят ассортимент сладких заготовок, добавят красок и вкусов.

Варенье

Варенье из дикорастущих ягод можно варить до самых морозов. На Русском Севере традиционно считается, что лучшая клюква — та, что собрана уже после первых заморозков, «подснежная». Для мочения она уже не годится, мягковата. А вот в варенье — то, что нужно.

Отменным оно получается и из подмороженной калины. Не всем нравится ее горчинка, но в ноябрьской и декабрьской ягоде она будет тонкой, деликатной. Калиновое варенье выйдет особенно вкусным, если сироп для него сварить из сахара с добавлением меда (примерно три части сахара на одну часть меда).

А еще можно использовать красную рябину. Ее горечь и терпкость в первые холодные месяцы приглушаются, а аромат и сладость — наоборот, усиливаются.

Главное, успеть, пока птицы все ягоды не склевали.

Для того чтобы приготовить зимнее рябиновое варенье, нам потребуются 500 г ягод, 700 г сахарного песка, стакан воды и лимон.

Очень рекомендую предварительно каждую ягодку проколоть зубочисткой.

Из сахара и воды делаем сироп, уваренный до того состояния, когда капелька его не растекается на фарфоровом блюде, а сохраняет округлость. Добавляем сок лимона и ягоды, доводим до кипения и сразу же убираем с огня. После охлаждения до комнатной температуры вновь доводим до кипения и тут же охлаждаем. Таким образом необходимо прогреть варенье три-четыре раза. А после — горячим разлить по баночкам и закрыть крышками.

Своя

НОЯБРЬ 2017

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки